

Юрий Каминский

Ноев ковчег

Стихи

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

Каминский Юрий
Ноев ковчег. Стихи

Составитель и редактор: Марк Раик
Корректор Елена Пеннер
Набор Enns Schrift & Bild GmbH, Билефельд, Германия
Издание первое
Отпечатано в типографии Ebner J., Ульм, Германия
Тираж 10 000 экз.
© 1998 Издательство „Свет на Востоке“

Дорогой читатель!

Перед тобой сборник стихов „Ноев ковчег“. Настоящий поэт — это всегда индивидуальность, а стихи — его самовыражение. В каждом стихотворении — он сам. Таковы и стихи Юрия Каминского. Как у всякого истинного поэта, наряду с ясностью и конкретностью в его стихах имеются и недосказанности. Уже само название оставляет простор для интерпретаций, одной из которых может быть: „каждой твари по паре“, т. е. всего понемногу, что вполне соответствует содержанию сборника, или „единственное убежище“, которое в стихах Юрия Каминского — Господь. Для упорядоченности стихи представлены пятью разделами, хотя распределение их по темам весьма условно: некоторые стихи с равным основанием могут быть помещены и в другие разделы.

Для всякого человека важнейшим в жизни является стремление жить в ладу с самим собой, ибо внутренний разлад приносит много горестей. Ю. Каминский — человек верующий, а для верующего отношения с Богом представляются самыми важными. Этим отношениям, поискам пути к Творцу посвящен раздел „Светильник ноге моей“, являющийся своеобразным свидетельством. Ю. Каминский — поэт оригинальный, его образы емкие, четкие, точные и неожиданные. И о чем бы он ни писал, мы ощущаем в его стихах живое присутствие Бога, за всем стоит Его могучий Дух.

На формирование любого человека большое влияние оказывает мать. В стихах поэта это влияние преломлено сквозь призму трудного послевоенного детства без отца. Стихи раздела, посвященного матери, читаются с особым волнением как достойный поклон и благодарность всем матерям.

Поэт пишет на русском языке, который является для него родным, но не отделяет себя от своего многострадального народа. Национальная принадлежность поэта высве-

чивается не только в разделе „Еврейского народа боль“, а проявляется во многих других стихах. Однако это не приверженность к ортодоксальному иудаизму, а причастность к судьбе избранного Богом народа и ответственность за свой народ, уважение к его традициям, но не скованность ими.

Мы все родом из детства, и это органически чувствуется в стихах, собранных в разделе „Спешу я к детству на поклон“. Детство целого поколения, опаленного войной, скудное послевоенное существование и трудное мужание стоит за каждой его строкой.

Поэт в расцвете творческих сил. И хотя для поэта нет возраста, Ю. Каминский „перевалил уже за вершину“, он „идет уже с ярмарки“. Об этом свидетельствуют стихи раздела „Осенние листья“. В них и некоторые итоги, и воспоминания, и мудрость, и ... печаль. Но печаль его светла.

В книге собраны стихи хорошие и очень хорошие. Сборник „проглатывается“ залпом, от него не хочется отрываться, но при таком чтении обнаруживается страсти поэта к определенным, хотя, как уже отмечено, очень ярким, неожиданным, впечатляющим образам.

Читателям можно по-хорошему позавидовать, ведь их ждет большая радость от встречи с поэтом, его миром больших и настоящих чувств...

Марк Паук

СВЕТИЛЬНИК
НОГЕ МОЕЙ

* * *

Ни верный друг, ни враг лукавый,
Льешь мед словесный ты иль нем,
Никто не должен мне, но, слава
Всевышнему, я должен всем.

Я должен матери и сыну,
Отцу я должен и жене,
И всем, кто в страшную годину
Горел на медленном огне.

Я должен вору и блуднице,
Младенцу должен и святой,
Тому, кто скипетром кичится
И кто всю жизнь на „ты“ с метлой.

Столкнусь я с нищим или с боссом,
С мыслителем иль с дураком —
Я должен всем и, кровь из носу,
Останусь вечным должником.

Я должен всем! Пусть даже боком
Мне выйдут эти вот стихи.
Я должен всем, поскольку Богом
Оплачены мои грехи.

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ

Пот затопил глаза. От боли
Гудит измученная плоть.
Не много ль выпало на долю
Того, Кто любит нас, Господь;

Кто засветил в ночи лампаду,
Но Прометеева огня
Надежней мир согрел и аду
Не выдал, грешного, меня.

А до холма совсем не близко,
И крест тяжел, как смертный грех,
Но солнце кланяется низко
Ему за нас, спасенных всех.

Но сами складываясь в строфы,
Храня Его предсмертный стон,
Не то с небес, не то с Голгофы
Скатились звезды мне на стол.

И над суровой круговертью
Времен, не знающих конца,
Тот крестный путь ведет в бессмертье
Сквозь наши смертные сердца.

МЛАДЕНЕЦ

Подмяв мирского страха муть,
Белей льняного полотенца
Пролег к пещере Млечный Путь.
Но о рождении Младенца

Еще не ведают ни Рим,
Ни иудейские селенья,
И смертному необозрим
Мир, ожидающий спасенья.

Еще пускает пузыри
Дитя, дарованное Богом,
Но свет целительной зари
Летит к заждавшимся порогам.

Придут и цезарь, и рыбак
К Нему, Чей глас – не глас в пустыне,
И царь убьет в себе раба,
И раб убьет в себе гордыню.

И мир, омытый морем слез,
Мир, адом схваченный за глотку,
Мир, аду отданный на откуп,
Спасет явившийся Христос.

СЛУШАЯ КУКУШКУ

Что щедрая мне нагадает кукушка –
Труб медных победный, волнующий зов?
А может быть, звяканье брошенных в кружку
На жизнь опостылевшую медяков?

Что мне напророчит капризная пташка,
Которой доверило время свой бег, –
Короткую жизнь мотылька над ромашкой
Иль Мафусаилов дарует мне век?

Но главный ли я или, может быть, лишний
На этом вселенском чадающем пиру?
Мне вечную жизнь обещает Всевышний
За то, что я с Ним на Голгофе умру.

Я, жадно внимавший, как небу, кукушкам,
Я, часто слова говоривший не те,
Я, бывший у дьявола на побегушках,
Умру, чтоб родиться и жить в чистоте,

Где жизнь обернется мильёном отдушин,
Спасающих нас от настырных невежд,
Где самые черные краски и души
Светлеют вблизи белоснежных одежд.

* * *

За окошком вся в огнях суббота,
Лимузинов и людей поток...
Вот уж дьявол вышел на охоту:
Элегантен, дерзок и жесток.

Подступает, словно черный омут,
Сладких слов губительная вязь...
По зубам ли смертному простому
Тьмы вселенской беспощадный князь?

Может быть, в трясущихся поджилках
Жить душе, отбившейся от рук,
И смотреть, как сатана с ухмылкой
Горизонт сгибает в адов круг?

Но пока тебя не подкосило
У последней на земле черты,
Обратись к Всевышнему и силу
Обретешь невиданную ты.

И тогда, как высшую награду,
Получи свободу и покой,
Потому что не осилить аду
Человека с Богом за душой.

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

Летели дни. Как в нишенских котомках,
Я рылся в них напрасно много лет,
Пока душа, блуждавшая в потемках,
Вдруг не узрела путеводный свет.

И вплел петух, проснувшийся на тыне,
Руладу соловьиною в мой слог,
И голос вопиющего в пустыне
Я собственным озвучить сердцем смог.

Душа моя невидимые крылья
Расправила навстречу небесам,
И обернулась рогом изобилья
Молитва, подступившая к устам.

Да, спотыкаюсь я еще порою,
Да, просит иногда пощады плоть,
Но горизонты новые Господь
Открыл мне, как дыхание второе.

ОБРАЩЕНИЕ К СЕБЕ

Безразлично Всевышнему, кто ты:
Царь ли, нищий ли возле плетня,
Не помогут ни слов позолота,
Ни высоких инстанций броня.

Ты иль с небом, иль с чертом и – баста!
Слышишь, строивший глазки судьбе,
Как душа, от которой не раз ты
Отрекался, взывает к тебе.

„Оглянись! – умоляет. – Опомнись!
Ты стоишь у последней межи,
Что тебе эта жизнь, эта помесь
Хитрой правды и бешеной лжи?

Пусть судачат друзья и подруги,
Что наметился в дружбе раскол,
Что имел ты мирские заслуги...
Ты пред Господом гол, как сокол“.

Потому что пришло, как прозренье,
И в столице, и в сонной глуши:
„Ничего не имеет значенья,
Кроме кроткой бессмертной души“.

В КРАЮ ДЕТСТВА

Господь мне явил свою щедрую милость...
И, сбив с петуха громогласную спесь,
Как в детстве, по лунным морям покатилась
Весенних лягушек бессмертная песнь.

И грубый такой, и бесчувственный с виду
В ночи, что несется быстрее молвы,
Вот-вот улыбнется мне каменный идол,
Не выдержав майской щекотки травы.

Господняя милость мне явлена снова:
Любовью звезду и былинку венчать...
Сегодня, я чувствую, каждое слово
Ложится, как неба седьмого печать.

И с песней фальшивой уже не смириться,
Коль память целительна, как мумиё,
Коль хочется только стихами молиться
Ему, подобравшему сердце мое.

ГОТОВ ЛИ ТЫ?

Людских деяний познавая суть,
Я слышу голос, будто высекают
Огонь: готов ли ты ступить на путь,
Где кровь Спасителя не высыхает?

Готова ли пройти твоя душа
По лезвию затеплившейся веры,
Над девятью кругами, где дыша
Горячечно, тусуются химеры?

Готов ли ты, не убажывая плоть,
Но душу обнажая в круговерти
Дней и ночей, вдруг выдохнуть: „Господь,
Ты даровал душе моей бессмертье!“?

* * *

Господи, трудна к Тебе дорога.
Только, дав отставку всем сомненьям,
Тянется к небесному чертогу
Сердце, одарив меня прозреньем.

Что теперь мне дьявольские козни:
Розовая дымка станет чадом...
Пусть! Но у весны, не скрою, поздней
Каждый день – любимейшее чадо.

Что мне страх, вчера еще, как вирус,
Душу пожиравший неустанно,
Если ей даровано на вырост
Небо, как бессмертная „осанна“.

Там, за хрупким выступом порога,
Ждут меня несчетные тревоги...
Господи, трудна к Тебе дорога,
Только к счастью нет другой дороги.

ОБРАЩЕНИЕ

Как трудно я иду к Тебе, Господь!
Как трудно я иду к Тебе, Спаситель!
Как самого себя мне побороть?
Как, если я, Ты знаешь, не воитель?

Как мне услышать вещей голос Твой,
Чтоб в грудь вошла небесная музыка?
Чтоб говорил со мною Дух Святой
На только нам понятных с Ним языках?

Чтоб Ты, от смерти жизнь мою храня,
Открыл глаза душе моей пытливой,
Чтоб отступил лукавый от меня,
Как отступает море в час отлива.

Чтоб Ты услышал, как в моей крови
Звенит Тобой дарованное слово,
То самое – Твоей ко мне любви
И сущего всего первооснова.

И мне понять бы сердцем, не умом,
Не сетуя на жизни быстротечность:
С Парнаса виден ближний оком,
С Голгофы распахнулась бесконечность.

СОН

Сон я видел: как над бездной
Лет со всех концов земли
На последний суд небесный
Днем и ночью люди шли.

Шел убийца, жизнь чужую
Перешедший лихо вброд,
И солдат, в годину злую
Спасший маленьких сирот.

Всем воздастся по заслугам,
Как волынку ни тяни:
И ходившему за плугом,
И лежавшему в тени.

И вдове, которой снилась
Полбы горсть, как Божий дар,
И дельцам, творившим милость
Под хвастливый звон фанфар.

И до самых отдаленных
Звезд вселенную не раз
Крик младенцев нерожденных
Потрясал, как трубный глас.

И смотрел Судья безгрешный,
Правду ведая и миф,
Словно светом, безутешной
Скорбью душу мне омыв.

ДУША СКОРБИТ

Из грешной плоти к свету выбираясь,
О ком душа скорбит, не пряча слез?
Не о младенцах ли, которых аист
До теплой колыбели не донес?

Не о вдове ль, с крыльца в душистый донник
Спустившейся под свод небес: авось,
Господь увидит узкие ладони,
Пробитые мозолями насквозь?

Душа скорбит не то о чистых росах,
Не то о слове, что не в бровь, а в глаз
Бьет, и из камня, как пророков посох,
Живую воду может высечь враз.

Еще немало горя за порогом,
И я прислушиваюсь, чуть дыша:
Душа скорбит, а это значит – с Богом
Общается прозревшая душа.

Я ПРИШЕЛ К ТЕБЕ

Я пришел к Тебе нищим и сирым,
Потому что до смертной тоски
Пел осанну фальшивым кумирам,
Превращавшим сердца в желваки.

Я пришел к Тебе, мучась куриной
Слепотою души... Сколько раз

То под люстрами, то под калиной
Слушал я, но не слышал Твой глас.

И не ведал я мудрого страха
Пред Тобою — Началом начал, —
И в ушах вместо музыки Баха
Скользкий шепот змеиный шуршал.

И, до белого дожив каленья
Вольным ветром пропахших кудрей,
Я пришел к Тебе, пав на колени
Неумной гордыни моей.

Я пришел к Тебе, пояс потуже
Затянув, но не бросив свой крест...
Беден я, как Иов... Почему же
Мне бы мог позавидовать Крез?

ОТЧЕ НАШ

Ударяет ли солнце в высокий витраж,
Или входит в домишко саманный,
Новый день начинается с „Отче наш...“ ,
Светлым именем весь осиянный.

„Отче наш...“ — белопенная шепчет волна,
„Отче наш...“ — отвечает дубрава.
„Отче наш, Ты испил Свою чашу до дна
Между небом седьмым и Вараввой“.

„Отче наш...“ — и на цыпочки встал колосок,
Вровень с утром надежду несущим.
„Отче наш...“ — и отдавший последний кусок
Будет с миром в душе и насущным

Хлебом веры; и адовы сдюжив круги,
В каждом помысле будет опрятным...

Отче наш, я, простивший врагов и долги,
Пред Тобою в долгу неоплатном.

ОБРЕТЕНИЕ ВЕРЫ

За плетнем утвердилась в бескрайних полях
Ночь, светлей родниковой воды,
Потому что играют на лунных морях
Блики той, вифлеемской, звезды.

Потому что, как только закрою глаза
И открою в молитве уста,
Не свечой подпираемые образа,
А живого я вижу Христа.

И у самого края земли, где трава
Молодая глазеет на лес,
Как Нагорной проповеди слова,
Громы падают с майских небес.

И как будто в руках рулевое весло,
Свет почуял я в сердце своем,
И душа моя, птицею встав на крыло,
Страх свой сбросила за окоём.

И пускай уже еду я с ярмарки, но
Вдохновением полнится грудь,
Потому что мне Господом счастье дано
В бесконечный отправиться путь.

ВЕРА

Сомнения полною мерой
Мне были отпущены, чтоб
Мой парус наполнился верой,
С которой всемирный потоп

Не страшен, с которой дорога
От хижин до царских палат
Однажды приводит к порогу,
Что выше всех наших наград.

Последнюю горечь сомненья
Ты вырвал из сердца, как шип,
И мертвую зыбь заблужденья
Сменяет волненье души.

И слухом, дарованным верой,
Ты слышишь сквозь вопль голосов
И шелест былинки, и сферы
Небесной волнующий зов.

Тогда-то, приблизившись к Богу,
Поймешь, ушибившись не раз:
Кто знает, тот знает немного,
Кто верит – мудрейший из нас.

МОЛИТВА ПОЭТА

Господи, дай мне второе дыханье!
Дай мне взлететь не газетною уткой,
Чтобы я смог одолеть расстояние
Между душой и холодным рассудком.

Господи, нет для Тебя невозможного,
Так распахни же пошире мне очи,
Чтоб не ослеп я однажды от ложного
Солнца, что сеет крошечные ночи.

Чтобы подняться мне до покаяния
В радости, острой, как лезвие бритвы...
Господи, дай мне второе дыхание
Как продолжение жаркой молитвы.

СЛЫШУ...

Ночь сошла на землю, и витают
Легче вздоха ангельского сны.
Тихо так, что слышу, как светает
На обратной стороне Луны.

Слышу, как рассветной позолотой
Росы наливаются в саду.
Слышу, как отчаянно с дремотой
Караси сражаются в пруду.

Слышу, как у храбрых и счастливых
Кровь играет в собственном огне.
Слышу, как мурашки у трусливых
Все бегут куда-то по спине.

Слышу, как в губах взбухает слово,
Слышу, как в ноге болит ступня...
Только я несчастнее глухого,
Если не услышит Бог меня.

ТВОРЧЕСТВО

Эта радость во мне неспроста.
Что мне сплетни, ухмылки, наветы?
Как на музыку, полную света,
Положу на молитву слова.

И горенье рассветной зари,
Оплывающей громом весенним,
Лес наполнит огнем и весельем,
Вдохновение мне подарив.

И услышу я четко, не без
Щедрой помощи каждой былинки,

Каждой солнце вместившей росинки,
Окрыляющий голос небес.

И не будет, я знаю, конца
Моему благодарному рвению,
Словно я получил приглашенье
Заглянуть в мастерскую Творца.

Я ВАС НЕ ЗНАЮ...

(Мф. 7:21-19)

Видно, так хотел Всевышний:
У друзей на даче
Сон мне вспомнился давнишний,
Как я, горько плача,

Неба светлые дороги
Обивал, поскольку
Раньше верил: все дороги
В Рим ведут, и только!

В Рим, где совесть бьет баклуши...
О великий Боже,
Сколько было нас, чьи души
Рим, шутя, стреножил.

Сколько было нас на этом
Свете, так упрямо
Путавших с небесным светом
Зарево рекламы?!

Сколько нас, творивших чудо
Глупым на потребу,
Исполняло волю чью-то,
Но не волю Неба?!

И у вечного чертога,
День и ночь стеная,
Вдруг услышали мы Бога:
– Прочь! Я вас не знаю.

НОЙ

С утра до заката, и в холод, и в зной,
С детьми, передумав о многом,
Трудился, не зная усталости, Ной
Над лодкой, заказанной Богом.

А рядом глумливо смеялся сосед:
„Старик окончательно спятил!“
Но громы, дремавшие тысячу лет,
Свалились с небесных полатей.

И хлынули воды мильёнами рек,
Расправившись вмиг с берегами...
Не сгинул в пучине лишь Ноев ковчег,
Семью просмоленный потоми.

И время вернулось на круги своя,
Качнувшись железною шлюпкой,
И самая хитрая в мире змея,
Как прежде, воркует голубкой.

И крошится камень фальшивых опор –
Пожары, цунами, погромы...
И в Авеля Каин стреляет в упор
В подъезде престижного дома.

И снова, окрепнув, вселенское зло
Хватает нас, глупых, за глотку...
Неужто, Всевидящий, время пришло
Сработать надежную лодку?

НОЕВ КОВЧЕГ

От Всевышнего метеосводку
Получив, на смекалку горазд,
Ной построил надежную лодку,
А не сауну и не гараж.

И по небу угрюмому шаря
Зорким глазом, живой, как родник,
Каждой твари взял на борт по паре,
Измоливший руки старик.

А потом в диком реве и гуле
Пенных волн, не увидев земли,
Как худые жестянки, тонули
Многопалубные корабли.

А потом, не поддавшись пучине,
Вдруг зеленый возник окоём...
Только знайте, друзья: и доньше
Все мы в Ноевой лодке плывем.

СТАРУХА

Я помню дом, ободранный, как липка.
Над домом, средь мерцающих миров,
Безумная, беззубая улыбка
Луны, ослепшей от прожекторов.

Еще войны гуляло где-то эхо,
Время громам небесным невпопад,
И мне казалось, что совсем не к спеху
Прощать врагов, меня толкавших в ад.

Но я услышал рядом, как старуха,
Вся из чугунных вдовьих желваков,

У Господа всевидящего глухо
Вымаливала милость для врагов:

– Великий Боже, завершилась битва,
Кошмарнее, чем Каиновы сны...
Дай силы мне молиться, чтоб молитва
Была, как продолжение весны.

Дай силы не тянуть врагов на плаху,
Мир ненавистью собственной круша,
Дай силы умалиться мне до праха,
Чтоб до прощенья поднялась душа,

Чтоб павшие у волжской переправы
В Тебе воскресли пять моих сынов.
...Старуха, как никто, имела право
Прощать врагов.

ВОПРОСЫ

Облагородив нашу плоть и кровь,
На грани света и кромешной тьмы
Стал Сыном Человеческим Господь,
Чтоб люди стали Божьими детьми.

И Он узнал души такую боль,
Что можно было б мертвых всполошить,
И раны, что разъели б даже соль,
Когда бы соль на раны положить.

И вновь растут вопросы, как грибы,
И главный – про себя и про людей:
Ужель сойти с сомнительной тропы
Труднее, чем с пробивших плоть гвоздей?

Как муки мне прочувствовать Его,
Прикрывшего меня в тот день Собой?

Как навсегда поверить в торжество
Его любви над злобою слепой?

Неужто пред лукавым, как хвостом,
Душой всю жизнь вилять, не дуя в ус,
Чтобы дрожать осиновым листом,
Когда придет Мессия Иисус?

ГОСПОДУ МОЕМУ

На носу у стража прыщик
Выскочил: неужто сыпь?
И глаза, мутнея, рыщут,
Как некормленные псы.

Вот он враг, бледнее мела,
Вот оно, под боком, зло...
И копьё в худое тело
По двадцатый век вошло,

Так, что вскрикнул я от боли,
Опрокинувшей меня,
Как на крест, по Божьей воле,
На скамейку у плетня.

Я гляжу светло и немо:
Сколько звезд! И в каждой свет
Той, что в небе Вифлеема
Полыхала, как рассвет.

Между вором и громилой
Умирает Сын Небес,
Наполняя души силой,
Что чудесней всех чудес,

Что сильнее копья и пули,
И вселенской воли злой...

Гвозди плоть Его проткнули,
Оцарапав шар земной.

ЗАСУХА

Словно под музыку злого факира,
Медленно, коброй, колышется зной...
Господи, разве позволишь Ты миру
Сгинуть, как хрупкой былинке степной?

Господи, как мне в молитве излиться,
Как разлепить, словно губы, слова,
Чтоб надломившаяся в поясице
Снова на цыпочки встала трава?

Чтоб, как давно уж неожиданной обновой,
Тучками лето натешилось всласть,
Чтоб в обмелевшем ручье до седьмого
Неба вода, наконец, поднялась,

Чтобы запахло пьянящим озоном,
Чтобы на радостях постановить:
По зеленеющим ярким газонам
Детям и женщинам можно ходить!

Господи, пусть же небесные хляби
Щедро разверзнутся, землю любя,
Чтоб каждодневно мы были при хлебе,
Как при молитве во славу Тебя.

НА ГОЛГОФЕ

И Он увидел, на Себя взвалив
Все беды человеческого рода:
Текут к Нему со всех концов земли,
Как реки, благодарные народы.

Он видел: будто на небесный суд,
Не ведая ни капельки сомненья,
К Нему младенцев матери несут,
В Нем, не в Египте, находя спасенье.

Он видел в тот, на нем распятый, день,
За нас хлебнув страданий полной мерой,
Как отступает, съезживаясь, тень
Язычества под вешним солнцем веры.

И, может быть, Он и мои с креста
Узрел в веках, спасенных Им от пекла,
Молитвою сожженные уста
И сердце, возрожденное из пепла.

СЕРОЕ УТРО

Серый дождик над серой деревней
Серым утром встречает меня,
В серых яблоках кроткий и древний
Мерин топчется возле плетня.

Тускло смотрят вороны и галки
В мир, в котором вместились впритык
И татарского пира на Калке
Хруст, и визг презентаций крутых.

Но над старой дорогой окольной,
Где глядела мне матушка вслед,
Туча серая о колокольный
Гром споткнулась, и солнечный свет

Брызнул в окна отцовского дома,
И молитва вошла на уста,
И душа моя к небу седьмому
Потянулась, на цыпочки встав,

Ибо там, все земные напасти
Легким взмахом крыла сокрушив,
Обитает бессмертное счастье
Не оставленной Богом души.

ЗАКОН ВСЕМИРНОГО ТЯГОТЕНИЯ

Бумажным крохотным корабликом,
Качнув планету нашу, вдруг
Ньютону на голову яблоко
Упало из Господних рук.

И вмиг охваченный волнением,
Ученый замер, не дыша,
Открыв: взаимным тяготением
Живут и небо, и душа.

СОН

Я видел сон: у Храмовой горы
Я слушаю Учителя на стыке
Времен. Свечой вселенскою горит
Закат, в двадцатый век роняя блики.

И что-то в сердце сдвинулось в моем,
Дорогу дав врачующему свету,
И подступает к горлу оком,
Как жаркий ком, с которым сладу нету.

Я видел сон: не чуя под собой
Ног, я лечу на площадь, где опальный
Спаситель тихо говорит с толпой,
А кажется — со мною персонально.

И вот уже, как хлебный колос, в рост
Пошла душа... И, прозревая, в муке

Я задаю себе один вопрос:
Как мог так долго умыть я руки?

* * *

*„Я написал вам, юноши, потому что вы
сильны, и слово Божие пребывает в вас,
и вы победили лукавого“ (1 Ин. 2:14)*

И снова черных туч скопление,
И козням ада нет конца...
Неужто новые гоненья
На свет узревшие сердца?

Неужто вновь ходить кругами
В пустыне знойной сорок лет
И за колымскими снегами
Врубаться заступом в рассвет?

Неужто детям Саваофа
Брать пищу из нечистых рук
И подниматься на Голгофу
Тысячелетних новых мук?

И юношам, входящим в силу,
Не возмужать в конце концов,
Поскольку пить им до могилы
Из горькой чаши их отцов.

Но юношей, познавших Бога,
Не смять ни плетке, ни свинцу —
Любая по плечу дорога,
Когда она ведет к Отцу.

Порой, увы, не будет сладу
С гвоздями, что терзают плоть,

Но юноши сильнее ада —
Их души укрепил Господь.

СООБЩАЮЩИЕСЯ СОСУДЫ

Я углубляюсь в просторы окрестные,
И холодок ожидания к затылку
Вдруг подступил: то ли сферы небесные,
То ли звучит во мне каждая жилка.

И у широкого луга цветущего,
В шорохах, тоньше узорчатых кружев,
Слышатся мне то ли глас Всемогущего,
То ли младенца, что с истиной дружен.

Радуюсь звездам, насыпанным горами,
Сердце забилось и жарче, и чаще...
И сообщающимися сосудами
Стали душа и небесная чаша.

В ПОЛЕ

Шумит отяжелевший хлебный колос
Сквозь шелест стягов, грохот площадей.
Отец Небесный, уж не Твой ли голос
Прорезался, как свет, в душе моей?

Наверно, что-то все-таки случилось,
Я вдруг подумал, словно воспарил:
Сын, умирая на кресте, как милость
Не мне ль Свое бессмертье подарил?

Не мне ли, когда в тупости плебейской
Солдат колол копьем худую грудь,
Чтоб убедиться, мертв ли иудейский
Царь, указал к Всевидящему путь?

Не мне ли в дни, охваченные смутой,
Средь каменных сердец и медных лбов,
Преследуемый ненавистью лютой,
Он завещал небесную любовь?

Чтоб я усвоил, избежав трясины
Сомнений пошлых и кромешной лжи:
К Отцу дорога – только через Сына,
Лишь через Бога к Богу путь лежит.

ЛЕТНИМ ВЕЧЕРОМ

Летний вечер приближается к порогу,
Мне, прозревшему, даруя Божий страх,
И молитва, улетающая к Богу,
Отдыхает на церковных куполах.

Глубже самого глубокого колодца
Тишина, но, замирая вдалеке,
То ли музыка с седьмого неба льется,
То ли небо бьется в жилку на виске.

Тишина вокруг такая, что я слышу,
Как Полярная звезда, уж не впервой,
Заблудившись в море звезд над нашей крышей,
Тихо бредит вифлеемскою звездой.

И открыл я, размышляя о чудесном,
До бессмертия – подать рукой, когда
Вдруг поймешь: не в тридевятиом, а в Небесном
Царстве ждет тебя счастливая звезда.

В СТЕПИ

Здесь густые травы вековые,
Встав стеною, умирляют зной,

Здесь орлы стоят, как часовые,
В вышине небесной надо мной.

Здесь не жалко городской квартиры
И не страшно видеть по утрам,
Как росы тяжелая секира
Лихо рубит головы цветам.

А когда над солнцем степь сомкнется,
Ночь луну с морями через край,
Вытащив из синего колодца,
Мне протянет: пей и наших знай!

Знай, чем пахнет травка у могилы
И звезда, готовая упасть,
Знай, в чем слабость сильного и сила
Слабого, молящегося всласть.

И, даруя свет минут прекрасных,
Прозревает сердце, крепнет плоть,
Словно я услышал всех безгласных,
Чтобы услышал меня Господь.

* * *

Я сижу, замерев у колодца,
Жадно слушаю ночь. Не до сна.
Может быть, до рассвета взорвется
В почках тикающая весна.

Потому что, покончив со скукой,
В небеса, где горит Водолей,
Карасей игнорируя, шука
Вдруг рванулась из лунных морей.

Потому что полмира за тыном,
Потому что, все страхи круша,

Мчится кровь моя, жарко в затылок
Мудрым нашим потомкам дыша.

Потому что дороже одежды,
Хлеба с солью и чистой воды
Свет проснувшейся в сердце надежды,
Словно свет вифлеемской звезды.

* * *

У Бога нету нелюбимых,
Навек отвергнутых детей.
И равнодушных, и ранимых —
Всех под десницею Своей

Он приютит, даря надежду
(Она надежнее всего),
Чтоб и ученый, и невежда
Прозрели от любви Его.

ЧУКОТКА

Другу

...И вновь приблизилась Чукотка
К глазам, распахнутым до дна...
Морозов белая чахотка
Сжигает легкие. Луна,

В капкане ближних острых сопок
Оставив бликов рыжий хвост,
Уходит под вселенский шепот
Глазеющих на небе звезд.

А память бредит птичьим гамом,
И снег тюремных жестче нар,
Но самым чистым фимиамом
Ввысь изо рта клубится пар.

И не было светлей молитвы
Здесь, где не выживешь враньем,
Где неподкупно монолитны
Льды обложили окоем.

Где днем и ночью силы ада
Гнут волю и калечат плоть...
Но вышел ты на свет лампы,
Поскольку был с тобой Господь.

ЛУННАЯ ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Каждый шрам земли в себя приемля,
Снег упал, подмяв крутой мороз,
Словно Млечный Путь сошел на землю
Поплутать средь кленов и берез.

И поет на самых тонких струнах
Ночь. Не надыхаться ею всласть.
От бессонных глаз, я чую, в лунных
Цирках негде яблоку упасть.

Что за ночь! Такая только в сказке
Может быть иль в чистом детском сне...
У плеча дыхание Савраски
Убивает хвори все во мне.

И живущий в дальнем буераке
Пес бездомный льнет к моим ногам:
Слабый человек, ты — друг собаки,
Я тебя в обиду, друг, не дам.

Прокричал петух за речкой. Эта
Ночь похожа на страну чудес,
Где, куда ни глянь, сугробы света
Намело дыханием небес.

И у дня, грядущего под боком,
В скрипе снега слышу скрип пера...
Как же я в существование Бога
Сомневаться мог еще вчера?!

* * *

Когда тоска вот-вот готова грудь
Взломать и небо кажется с овчинку,
Знай: среди дорог бетонных есть тропинка,
Что выведет тебя на Млечный Путь

Любви бессмертной, спасшей род людской,
Дарованной всем нам без исключения,
Любви, что потрясает, как прозренье,
И страхи все снимает, как рукой.

И ты поймешь, к Всевышнему влеком
Любовью той: важней воды и хлеба
Из слез отлитый и стального неба
Вдруг подступивший к горлу жаркий ком.

ГОЛОС СЕРДЦА

Рев моторов, брань, рекламный блуд
Подступает к самому порогу...
Сотни тропок к дьяволу ведут,
И одна-единственная — к Богу.

Как мне отыскать ее в ночи
До луны, ослепшей от неона,
Чтоб увидеть в пламени свечи
Свет весенней солнечной короны?

Как ее, единственной, следы
В мире, сверху вниз глядящем сыто,

Разглядеть, чтоб не испить воды
Мне из сатанинского копыта?

И услышал я, как, все в огне,
Сердце шепчет ласково и властно:
— Ты доверься безоглядно мне
И увидишь, будет все прекрасно.

Ты доверься мне, и пусть он крут —
Долгий путь к небесному чертогу, —
Сотни тропок к дьяволу ведут,
И одна лишь — через сердце — к Богу.

ПОЖАР

Лачуга соседей исчезла в огне.
Тяжелые ждут их мытарства...
А Бог говорит им: „Придите ко Мне,
Я дам вам не хижину — царство“.

Горючие слезы у них на глазах:
Увы, нет ни крова, ни хлеба...
А Он говорит им, стенающим в прах:
„Я дам вам высокое небо“.

Соседи виновников злого огня
Клянут до седьмого колена...
А Он говорит им: „Вот вам от Меня —
Любовь, что, как небо, нетленна“.

И люди суровую волю Творца
Понять (не напрасно ли?) силясь,
Как будто на собственные сердца,
Упав на колени, молились.

Молились под черной от сажи сосной,
Молились с утра до заката...

И неопалимую купиной
Дохнула сгоревшая хата.

В ПУСТЫНЕ

Вокруг один песок. Среди непрочных
Барханов, солнцем яростным палим,
Бреду я, как внутри часов песочных,
Где время потом катится моим.

Неужто не дойду я до колодца?
Неужто здесь мне сгинуть суждено?
И слышу я, как сердце гулко бьется,
Как бьется врукопашную оно

С пустыней, жадно впившейся мне в глотку.
И на зубах песчаная гряда
Скрипит веслом в уключине, и лодкой
Качается весь мир, и, как вода,

Струится зной. Сухи, как посох, губы...
И кровь, животный возбуждая страх,
Почувствовав, что жизнь идет на убыль,
В висках зажавших бьется, как в силках.

Потом к колодцу вышел я и Бога
Благодарил, лицом похорошев,
За то, что все же я нашел дорогу
К воде, а может, и к своей душе.

ГОЛОС

Где силы взять, великий Боже,
Чтоб ропот в сердце подавить,
Когда мурашками по коже
Уходит век и волком выть

Вот-вот готова будет муза,
А день, затеплившись едва,
Досадной кажется обузой
И все на свете — трин-трава...

И голос чистый, как криница,
Услышал я, тоской томим:
— А ты попробуй поделиться
Любовью с недругом твоим.

А ты, кто рвал в призывах глотку,
Жил, сердце в желваки скатав,
Попробуй жить с улыбкой кроткой,
Любовью ненависть поправ.

Пусть сильный не ведет и бровью,
Взирая на беду людей,
А ты бессмертною любовью
Ответь на тысячу смертей

И никаких наград не требуй,
Но на колени опустишь,
Чтоб хоть немного ближе к небу
Ты стал, осилив эту жизнь.

ЛАЗАРЬ

Синхрофазотроны, лазеры
Впечатляют, спору нету.
Но поднять из мертвых Лазаря
Потруднее, чем ракету.

Что мне знахари, целители,
Записной стратег и тактик,
Если все в руках Спасителя —
От былинки до галактик.

Если крепче кожи яловой
Дрогнувшим даруя силы,
На лопатки бросил дьявола
Лазарь, вставший из могилы.

Мы б слепые в прахе лазали,
Если б только не Всевышний,
Воскресивший.. . нет, не Лазаря,
Род людской вернувший к жизни.

ПЯТЬ ХЛЕБОВ

Голодуха желваками
Ходит злой, собаки злей...
Как же Он пятью хлебами
Накормил толпу людей?

Пять хлебов – подсохших, серых –
Пищи жаждущим зубам –
На один зубок, но веру
Он добавил к тем хлебам.

И толпа с лицом суровым
Улыбнулась, как родня,
Укрепившись Божьим Словом –
Хлебом завтрашнего дня.

И, стерев сомнений пятна,
Чудо тех пяти хлебов
Наплывает необъятно,
Словно пять материков.

МОЛИТВА В ГЕФСИМАНСКОМ САДУ

...И от Его молитвы сад
Вздыхнул, как тоненькие травы,

И тяжелее во сто крат
Семи потов был пот кровавый.

Душевной смуты не тая,
В предчувствии вселенской боли,
Шептал Он жарко: „Не Моя –
Твоя, Отец, да будет воля.

Сомненья горькие рассей,
Не дай Мне заплутать в их чаше,
Уж коль не миновать Мне сей,
Тобой назначенной Мне чаши.

Неужто Сына Твоего
Застанет сатана в печали?..“
И ангел укреплял Его,
Пока апостолы дремали.

Свой у Всевышнего расчет:
Не той ли ночью быстротечной
Я, не родившийся еще,
Спасен был Им для жизни вечной?!

МЛАДЕНЕЦ

Теплом дышали сытые волы...
И тишину качая утлой лодкой,
В овечьи ясли пенные валы
Времен, опав, заглядывали кротко.

А там, как в колыбели, спал Господь,
Затмив улыбкой свет миров несметных.
Младенческая розовая плоть
Была нежней весенних зорь рассветных.

Богач ты или беден, как Иов,
Живешь в глуши медвежьей иль в столице –

Дары пред Ним склонившихся волхвов
Он каждому из нас вернет сторицей:

Не золотом, попутавшим людей,
Смущающим кого-то то и дело,
Но стоном забиваемых гвоздей
В Его вконец измученное тело;

Не добрым урожаем в закромах,
Не щами с мясом, не рулоном шелка,
Но солнцем, умирающим так долго
От жажды на запекшихся губах.

Посланец неба сладко спит. Окрест
Ни звука. Темень – словно в преисподней.
Еще не завтра Он взойдет на крест,
Но род людской спасен уже сегодня.

РЕКА ИОРДАН

Зазвенела жилка на виске...
И представил я, душою светел,
Как играют на святой реке
Блики солнца и тысячелетий.

Как над грудой золота Кашей,
Зной дрожит над почвой каменистой,
Только вдруг дохнуло на людей
Свежестью смоковницы тенистой.

Словно время начало отсчет,
Обернувшись музыкой органной...
Это Он, не узанный еще,
Кротко входит в воды Иордана.

И как самый светлый в мире нимб,
Зная день мучительной расправы,
Божий Дух, слетев с небес, над Ним
Крылья белые, любя, расправил.

Вдаль смотрю... Холодному уму
До моих волнений дела нету,
Но река, питающая Лету,
Подступает к сердцу моему.

ГОЛГОФА

Испив из самой горькой чаши —
Из близорукости людской,
Он нес не крест, а судьбы наши,
За горло схваченный тоской,

Поскольку был Он Человеком,
Явившимся на свет в хлеву...
Такого не было от века,
Чтоб душу ставить во главу

Угла. Он — Бог, и в круговерти
Времен с высокого креста
Он призывает нас к бессмертью,
Разъяв разбитые уста.

Тускнеет солнце. Кровь, как филин,
В запавших ухае висках...
Слабеет плоть, но Дух всемогущ:
На Нем теперь, не на китах,

Стоять земле, еще убогой,
Барахтающейся в крови,
И все ж уже познавшей Бога,
Вкусившей от Его любви.

* * *

В избитое тело затупленный гвоздь
Солдат, равнодушный и сытый,
Вгоняет, и гвоздь вдруг выходит, как ось
Земная, из плоти пробитой.

Висит вороньем ослепительный зной,
Дрожит, словно фата-моргана...
О, если бы рухнуло небо стеной
Прохладного ливня на раны.

Молитвой пролиться бы в души людей,
Которым весь ад потакает...
Как тысячи вбитых по шляпку гвоздей,
Глаза любопытных сверкают.

И шепчет запекшимся ртом Человек:
– Прости их, Отец Мой Небесный,
Не дай им без неба погибнуть навек
В своей оболочке телесной.

Прости их за то, что утратили рай,
Что пали так низко, что пятен
Добавили солнцу... Им, слабым, Ты дай
Любовь, чтоб друг друга поднять им.

* * *

...Потом с иссушающим страхом во рту
Пилат просыпался в холодном поту.
И звезды над миром спасенных людей
Сверкали, как шляпки забитых гвоздей.

И стоном глухим оплывающий крест
Свечой негасимую блики окрест
Ронял... И от страха дышал невпопад
Средь каменных идолов Понтий Пилат.

И вопли толпы обжигали огнем:
„Царя иудейского ныне распнем!“
Распяли, завидную выказав прыть...
Умывшему руки как душу отмыть?

Сравниется скоро две тысячи лет,
Как льется с Голгофы спасительный свет.
А гвозди, пронзавшие тело насквозь,
В земную давно переплавились ось.

АПОСТОЛАМ

Позабыв про дом родной, про хвори,
Сборщики налогов, рыбаки,
Как, наверно, ходят за три моря,
Вы за Ним пошли, ученики.

Почему ж печаль коснулась Света?
От Него, Он знает наперед,
Трижды отречется тот, а этот
Поцелует, словно гвоздь вобьет.

Но, прощая слабости людские,
Он, Кому вся мощь небес дана,
Перед вами распахнул такие
Горизонты — дрогнул сатана.

И, как будто искупавшись в росах,
Вы пошли дорогами эпох,
Опираясь, как на крепкий посох,
На Его бессмертный каждый вздох.

И в хибаре жалкой, и под кровом
Праздничного царского дворца,
Слабые, Его сильны вы словом,
Верные апостолы Творца.

ИДУЩИЙ ПО ВОДЕ

Можно спотыкаться даже с посохом,
Захлебнуться в луже у плетня,
А Господь по озеру, как по суху,
Не спеша идет в сиянье дня.

А за Ним века ручными чайками
Мельгешат... И, набираясь сил,
Шепчет пахарь: „Нас кормили байками,
А Господь хлебами накормил“.

А Господь, пока нам в душу лазали
В сапожищах все, не лень кому,
Приказал восстать из мертвых Лазарю,
Замурованному в Колыму.

И сомненьям, к сердцу подступающим,
Нас не взять, пока — в который раз! —
Бог идет по водам, обретающим
Твердость веры каждого из нас.

МОЛИТВЕННЫЙ ДОМ

Не терем, не гараж, не дачу,
Не сауну, не гастроном,
Но, кроткой радости не пряча,
Молитвенный мы строим дом.

Конечно, ростом он не вышел —
Одноэтажный дом, простой, —
Но он седьмого неба выше —
Дом, где витает Дух Святой.

И видят все, кто непорожней
Душой, кто мудростью ведом:

Он крепостей любых надежней,
Для всех раскрытый настезь дом.

Входи, обманутый любимой,
И другом преданный – входи,
И, все простив им, негасимый
Ты свет увидишь впереди.

И ты узришь Того, Кто крестный
Путь ради нас осилить смог...
Еще не близок храм небесный,
Но этот дом – Его порог.

ЧИТАЯ БИБЛИЮ

Я к Богу шел, нещадно спотыкаясь
О собственные злые желваки,
Поскольку не умел прощать, в чем каюсь
В каждой с Богом слившейся строке.

Шуршат страницы, как морской стихии
Прилив, на гребне вынесший меня
В желанный край, где самые простые
Слова полны и мысли, и огня,

Где мир, освободившись от пороков,
По-богатырски крепок и плечист,
Где дети так похожи на пророков,
А у пророков взгляд по-детски чист.

Шуршат страницы... Прозревая, Книгу
Читаю я, и прямо на глазах
Ее слова божественные иго
Словес фальшивых рассыпают в прах.

И не увлечь меня иным дорогам,
И не нужна с трибун высоких мне

Посредников толпа, когда, как с Богом,
Я с Книгой говорю наедине.

БИБЛИЯ

Не надо книги мне иной,
Увы, все канет в Лету,
Но, как за каменной стеной,
Мы все за Книгой этой.

И ты, и я, и даже тот,
Кто на нее клеветает...
Она, как вешний небосвод,
Она, как голос вещей.

Страница каждая, как дверь
В мир, где любовь не гинет.
Ни злобный враг, ни лютый зверь
Мне не страшны отныне.

И хитрым дьявольским стальным
Не смять меня оковам:
Заветом Ветхим я храним,
Спасен Заветом Новым.

Пусть силы тьмы встают стеной,
Но как бы бес ни прыгал,
Не взять меня, пока со мной
Божественная Книга.

ВЕСНА

Весенним небом почки наливаются.
В них дремлет гром. И сам на драку скор,
Приблудный пес на трепку нарывается,
Презреньем чей-то окатив забор.

Степь горизонты чистые упредила,
И новости, одна другой важней,
Все сыплются и сыплются с сорочьего
Хвоста на подобривших вдруг людей.

И хрупкие такие, что отважные,
Неся на мачтах голубой апрель,
По лужицам кораблики бумажные
Отправились за тридевять земель.

И облачко скользит ковчегом Ноевым...
И теплый дух стоит над бороздой,
А может, это, жизнь даря новую,
Витает над землею Дух Святой?

КОРЕНЬ ЖИЗНИ

Нет, не спасет тебя женьшень
От бед, которым нету края.
Но каждый день, но каждый день
В рассвет молитву выдыхая,

Я чую, подлый страх гоня,
В небесные взмывая сферы,
Как входит все верней в меня
Могучий корень жизни – вера.

И кровь струится все быстрее
По жилам, вздыбившимся к свету,
Поскольку вера якорей
Любых надежней, спору нету.

И на душе так хорошо...
Да, о женьшене: я уверен
Неплох, конечно, корешок,
Но лишь как дополненье к вере.

* * *

Отец Небесный, я иду
К Тебе, меня так долго ждущему.
Я сердцем вычислил звезду,
Что повела меня к грядущему.

Нет, не к тому, которым нас
Кормили столько лет, как баснями, —
К тому, где счастья трубный глас
Царит над рощами и пашнями,

Где каждый тянется к добру,
Где (пусть отвергнуты наукою)
Волчиц capitoлийских — пруд
Пруды, где агнца лев баюкает,

Где я, бессмертен и велик,
Смиренья полон и усердия,
Где так прекрасен каждый миг,
Что забываешь о бессмертии.

БОЖЬЯ ВОЛЯ

Омыв петушинные глотки росой,
Рассвет разгорается в поле,
И ветер бежит по колосьям трусцой,
И это — Всевышнего воля.

Всю ночь завывает бездомный барбос,
И филин хохочет до колик,
И гром, словно поезд, летит под откос
Небес: это — Господа воля.

Взрываются ль почки над нашим крыльцом,
Иль звезды — расписаны роли
Моим неподкупным Небесным Отцом,
На все Его четкая воля.

И если ты взял безошибочный тон —
Любые деянья ты волен
Вершить, если будет, конечно, на то
Его, Всемогущего, воля.

Поскольку, как вешние дали, ясна,
Господней согретая кровью,
Лишь только к тебе обернулась она,
Холодная воля, любовью.

АПОСТОЛЫ

Распятые. Побитые камнями.
Пронзенные безжалостной рукой...
Еще живых, живущих рядом с нами,
Я вижу их, шагнув за горизонт.

А мир вокруг смертелен и коварен,
Лампада правды теплится едва,
Но с их сердец, как с нежных наковален,
В века и в души падают слова.

И запросто тяжелые порфиры
Срывая с плеч, растут, как снежный ком,
Сомнения и страх, и сильным мира
Сего не сладить с бывшим рыбаком.

Мир вострепнулся, кровью их омытый...
Не царь, не полководец, не колдун:
Пастух недавний и вчерашний мытарь —
Властители сердец людских и дум.

И каждый день в наш трудный век, суровый
Они приходят всем смертям назло
Во всеоружии Святого Слова,
Обезоруживающего зло.

ДУША

Душа неокрепшая жизни изнанку
Узрев, ужаснулась, но ей ли роптать?
Она по природе своей христианка:
Ей миловать слабых и сильных прощать.

Весь день ей молиться за душу чужую,
За брошенный камень, за хлеба ломоть,
За цезаря и за цирюльника, чужа
Как дышит ей в белые крылья Господь.

Ей жарко молиться с утра до заката,
Чтоб стали мы жить, этот мир не круша.
И чтоб умывать не спешили Пилаты
Холеные руки, молись же, душа!

СОЛНЦЕ

Какое солнце Ты, Господь, зажег
Над миром нашим хрупким, быстротечным...
Злак ядовитый на корню засох,
А хлебный злак встал ровень с солнцем вечным.

Оно горит, дарованное нам,
В алмазных гранях льдов полярных, в росах,
Которые, не в пику ль петухам,
Звонят-поют в лугах на острых косах?

Какое солнце светит в небесах!
Какую, Боже, дал ему Ты силу!
И свет, что зажигаешь Ты в сердцах,
Не продолженье ль этого светила?!

А может быть, как раз наоборот
(Вот и замкнулся круг светло и строго),
И солнце — дня грядущего оплот —
Есть продолженье душ, познавших Бога?

РОЖДЕСТВО

Как вешний день, не знающий заката,
Как мудрости сердечной торжество,
Как семь небес в окошке каждой хаты,
Господь подарит людям Рождество.

И вот в ночи, пути к земле разведав,
Над колыбелью с дремлющим Царем
Зажглась звезда, чтоб стать для всех рассветов,
Глядящим сквозь века, поводырем.

Осыпан будет щедрыми дарами
Младенец, только что волхвов дары
В сравненье, люди, с нашими сердцами,
Которые приносим, как миры

К ногам Того, Кто жизнь не на полотах
Провел, Кто, стены ада сокрушив,
Однажды жизнью собственной оплатит
Бессмертье человеческой души?!

* * *

...А люди лезут вон из кожи —
Билетов нет. Сплошной аншлаг.
Им кажется, что им поможет
Залетный экстрасенс и маг.

Боль под лопаткой, рези в почках
Он заговором уберет,
Вот только денежки — на бочку,
Вот только денежки — вперед.

Как мякиш, время он сминает,
Все тайны — для него пустяк,
Он по движенью звезд узнает,
Что будет с вами год спустя.

Он пеплом по ветру развеет
Тоску, что в вас впилась, как шип,
Он развернет вас, точно веер...
Вот только как насчет души?

Немало сделал я ошибок,
Но, глядя в уходящий век,
Не верю в волшебство я, ибо
Я – верующий человек.

* * *

Он с неба сошел, чтоб взойти на Голгофу,
Окрепнуть не дав сатанинским цепям...
Пусть кровью горячей наполнятся строфы,
Как жилы, в которых так жарко гвоздям.

Пусть стих мой, о славе мирской не горюя,
Небесной любви постигает азы.
Иными языками не говорю я,
Но сердца язык – не последний язык.

И чувствуя веянье райского сада,
И добрую пищу давая уму,
Прозревшее сердце шепнуло мне: „Надо
Не веровать в Бога, а верить Ему“.

* * *

*„Две вещи потрясают меня:
звездное небо над головой и нравственный
закон внутри нас“. И. Кант*

Время бьет меня в дых не впервой,
Но важнее насущного хлеба
Небо звездное над головой
И душа, обращенная к небу.

Ты неверные тени сотри
С горизонта и с лика любимой,
И увидишь: есть нечто внутри
Нас такое, что с небом сравнимо.

Пелена с распахнувшихся глаз
Упадет, растворившись в кринице,
И Господь, обитающий в нас,
Глас зовущий подаст, как десницу,

Чтобы нам не шарахнуть вспять,
Истоптав словоблудием воздух,
Чтобы даже на вечные звезды
Душу все-таки не разменять.

ПЕРВЫМ ХРИСТИАНАМ

Толпа ревела: зрелища и хлеба!
Толпа была безжалостней зверей...
И вновь бросал свой жалкий вызов небу
Страстями накаленный Колизей.

Вновь убивал, ликуя, брата Каин,
И кровь стекала под арену в ров,
Но пробивалась, как трава сквозь камень,
Молитва сквозь голодный львиный рев.

И цирк смолкал. И, разглядев дорогу,
Бесстрашием и кротостью дыша,
На крыльях веры устремлялась к Богу
Из пяток вырвавшаяся душа.

Еще не раз вас бросят на съеденье
Свирепым львам и ослепят не раз,
Но к ослепленным злобою прозренью
Придет из ваших выколотых глаз.

Еще не раз взойдете вы на плаху,
И чьей-то жизни оборвется нить,
Но непреклонный Рим, устав от страха,
Уже готов колени преклонить.

АТЕИСТАМ

Когда вы мне твердите: „Бога нет“ —
И рвете меж собой и небом нити,
Я говорю: „Взгляните на рассвет
И на зарю вечернюю взгляните.

Послушайте, как яблоки в саду
Стучат, как месяц мается зевотой,
Погладьте иглокожую звезду
Ладонями, сожженными работой“.

Когда в лицо бросают: „Где же Бог?“ —
И душу неокрепшую в сомненье
Вгоняют, как вгоняют вилы в бок,
Я говорю: „Да будет вам прощенье!

Да будет с вами ночь, как дождь грибной,
Светла, когда нас вещей голос будит,
И тишина, встающая стеной,
Что крепостной стены надежней будет,

И хлеба ароматного ломоть,
И кротость, укрощающая лютых...
Да будет с вами все-таки Господь,
Который и неверующих любит“.

СНОВА

Снова зажег над землею Господь
Звезды, чтоб каждый из нас был отмечен

Ими, согревшими душу и плоть,
Чтобы лукавому крыть было нечем.

Снова поставил Господь во главу
Горной пещеры и прочего мира
Ясли с Младенцем в овечьем хлеву,
Ночь окатившим вдруг запахом мирры.

Снова стоят пастухи и волхвы,
И, от дыханья их жаркого тая,
Ночь покатилаcь быстрее молвы,
Щедро столетиями обрстая.

Снова на смену озябшей луне,
Выкарабкавшись из бездны вселенской,
Утро затеплилось в каждом окне —
Как продолженье звезды вифлеемской.

РАСПЯТИЕ

Бродягами освистанный, осмеянный,
Сквозь смертный пот не видя ничего,
Он шел к горе сквозь мир, уже засеянный
Биениями сердца Своего.

Он был куда опасней льва немейского
Для сильных мира... Думали ль они,
Вбивая гвозди в тело иудейского
Царя, что небом сочтены их дни?

Что каждым, рвущим кость и сухожилие,
Во славу Рима кованым гвоздем,
Мурашек чуя на спине, в бессилии
Они расписываются своим?

Он вновь осилил дьявола ползучего,
Он сделал все, как повелел Отец...

И крест, уже пустой, века озвучивал
Колоколами годовых колец.

УТРО

Просыпаются вмиг караси,
Жадно слушая, как над рекою
Крокодиловы слезы росы
Льет коса, расправляясь с травойю.

К горизонту спешат облака,
И петух, раздаривший рассветам
Алый жар своего гребешка,
В новый день призывает планету.

И я слышу, как мощно звенит
В каждой жилке, в сосудике каждом
Омываемый кровью зенит,
Становясь животворною жаждой.

И коль хочешь Ты, Боже, продлить
Дни мои, протянув их мне чашей,
Эту жажду не дай утолить
Мне до самого смертного часа.

СЛОВО

Приходят слова, и уходят слова,
Слова, что частенько похожи
На слезы, которым не верит Москва,
Провинции, думаю, тоже.

Но слов измочаленных пеструю рвань
Отбросив, не с неба ль седьмого,
До хриплого пепла сжигая гортань,
Однажды является Слово?

А в нем, переброшенные через века,
Живут, нас терпеньем наполнив,
Газетного стихотворенья строка
И вечная клинопись молний.

И кровью, легко окрыляющей плоть,
И солью чистейшего пота
Мгновенно поймешь, как из Слова Господь
Вселенную эту сработал.

БОЖЬЕ СЛОВО

Без устали, не зная сна,
До злого пота
На наши души сатана
Ведет охоту.

Он нас, улыбчив и умен,
Встречает тушем,
Но на кругах его знамен:
„Смерть Божьим душам!“

Он с нами, хрупкий мир круша,
Как кошка с мышкой,
Играет... И хрипит душа:
„Неужто – крышка?“

Неужто смертный час настал,
И уготован
Мне ад?..“ Но вдруг, взорвав уста,
Приходит Слово.

Оно прозрению сродни,
В нем та же сила
Живет, что в считанные дни
Мир сотворила.

Оно порой, входя нам в грудь,
Выходит боком,
Но в нем — времен и наций путь,
Ведущий к Богу.

* * *

Высоко, там, где небо седьмое,
Чую, шефствует надо мной,
В паутине дрожащего зноя
Вьется жаворонок степной.

И стою я, очищенный синью
Неба, мне рассказавшего вдруг,
Что бессмертие пахнет полынью,
Накренившейся в Лету, как струг;

Что на этой земле я не лишний,
Что не канет в пустыню мой глас,
Что меня не покинет Всевышний,
Хоть Его покидал я не раз.

И хоть дьявольские оковы
Мою душу не смяли едва,
Из того первородного Слова
Мне позволено черпать слова.

ЗАКОН СОХРАНЕНИЯ ЭНЕРГИИ

Сказал Господь — и вспыхнула звезда,
Обласканная юным небосводом,
И появились суша и вода,
Чтоб было развернуться где народам.

Сказал Господь — и нежен, и суров
Мир поднимался, многолик и светел.
Создатель не бросал на ветер слов,
Поскольку был из Слова даже ветер.

Сказал Господь – и нас, людей, едва
Пришедших в мир, чтоб жить под этим небом,
Нас, разменявших Слово на слова,
Он свежей рыбой накормил и хлебом.

И коль не рухнул до сих пор зенит
На мир, глухой к спасительному зову,
Так это потому, что нас хранит
Энергия того, живого, Слова.

ПРОРОК

Плотая пыль бесчисленных дорог,
В бессмертном небе находя опору,
К порогам нашим приходил пророк,
Похожий на серебряную гору.

Хоть под глазами тени в пол-лица,
В глазах ни тени не было сомненья,
Когда в непроходимые сердца
Он с Божьего входил благословенья.

И он, чей ум, как бритва, был остер,
Гнев усмиряя кротостью, над бездной
С улыбкой поднимался на костер
Своей души, даря нам свет небесный.

До шепота, до полной немоты,
До кровохарканья теряя голос,
Он никогда не прятался в кусты,
Зато надежен был, как хлебный колос.

И изгнанный за милый окоем,
Шептал в лицо надменному пороку:
„Пророка нет в отечестве своем,
Но как же без отечества пророку?“

* * *

Мир оплатил Тебе коварством,
Распяв Твою живую плоть,
За то, что нас Небесным Царством
Ты одарить готов, Господь.

Солдаты зло кривили рожи,
Свершив кровавый свой обряд,
А Ты шептал: „Прости им, Боже,
Они не знают, что творят“.

Но все открыто Саваофу,
И брезжит день во мраке дней,
Когда взойти им на Голгофу
Восставшей совести своей,

Когда Твои, Всевышний, муки
Спасут от бесконечных мук
И тех, кто умывает руки,
И тех, чьи руки скорчил плуг.

Сойдя с небес к людским порогам
В тот перекрывший Лету век,
Бог Человеком стал, чтоб Богом
Стать попытался человек.

МАГДАЛИНА

Жадные руки хмельных кавалеров
Тянутся к девичьей плоти тугой...
Что же важнее: любовь или вера,
Если одна — продолжение другой?

И воровские покинув „малины“ —
Воле Всевышнего не прекословь, —
Все же уверовала Магдалина
В самую чистую в мире любовь.

И не постылому до смерти рылу,
А благодарным отдавшись слезам,
Словно в весеннюю высь воспарила
Дева, к Его опустившись ногам.

Кто без греха? Пусть он выйдет и скажет...
И обернулись словами любви
Камни. И в страхе попятились даже
Люди, чья совесть по локоть в крови.

ИИСУС В ХРАМЕ

Учителя, Мальчишку окружив,
Давались диву: „Кто сей Отрок чудный?“, —
Перед Которым, поняли мужи,
Пасует опыт жизни многотрудной.

Откуда этот кроткий, теплый свет
В глазах, вместивших горизонты мира?
Быть может, глядя дням грядущим вслед,
Увидел Он всех немощных и сирых,

И римских копий блеск, и ночь окрест,
И лица в злобе, точно в страшных масках,
И в небо упирающийся крест,
Поставленный вблизи ворот Дамасских.

Что, мудрецы? Вы явно смущены
Его манящей мыслью полновесной.
Вопросы ваши „волчьих ям“ полны,
Его ответы — глубины небесной.

Вы не сумели с толку сбить Его,
Нащупать сияясь детскую беспечность...
А было лет Ему в те дни всего
Двенадцать, но... помноженных на вечность.

ТЫ УЛЫБАЛАСЬ
ВО СНЕ

1946-й

Вся в звездах, словно в хлебных крошках
От чьих-то сказочных пайков,
Стояла ночь на курьих ножках,
Мерцавших в окнах огоньков.

И я, сухарь смакуя ржавый,
Смотрел, как, в сон тебя клоня,
Росой стреноженные травы
Паслись у самого плетня.

А за плетнем, где сразу резко
Ложилась густо тишина,
Не разобрать – орлом иль решкой
Упала на воду луна.

И хоть под ложечкой сосало
От голода сто раз на дню,
Мне снилось, помнится, не сало,
А злак, сминающий броню.

Я знал: бессмертна незабудка,
Я знал: медвежьей нет глуши,
Пока над спазмами желудка
Царит волнение души.

И знаю я: меня от скуки,
От лживых слов, от злобных харь
Спас твердый, как гранит науки,
Тобой не съеденный сухарь.

ВОСПОМИНАНИЕ О ДЕТСТВЕ

Господи, пусть окунется в бездонное
Небо нигде не поспевший пострел,
Дождик слепой пусть глаза мне омоет,
Чтоб я, как в корень, на солнце смотрел.

Если б Ты, Господи, дал моей маме
Овощи – летом, дровишки – зимой!..
Видишь, мешки у нее под глазами
Нищенской жалкой темнеют сумой.

Видишь, от слез она горьких ослепла
И от тяжелых работ чуть жива...
Манной небесной, а может быть, пеплом
Густо покрыта ее голова.

Господи, дай ей улыбку и силы
Ночь подступающую побороть,
Чтобы отныне до самой могилы
Лишь на Тебя уповал я, Господь.

* * *

Ты все чаще являешься мне,
Запоздалую нежность рождая.
То мелькнешь, молодая, в окне,
То навстречу мне выйдешь, седая.

То смеешься, как спелая рожь
Шелестит за рекой, под холмами,
То в себя, как под воду, уйдешь
Так, что только круги под глазами.

Мы сидим у плетня, при луне,
И щемящего кроткого света

Нам с тобою хватает вполне,
Чтоб увидеть разлуки приметы.

Я не знаю, в каких ты мирах
Завтра будешь, но чую всей кровью:
Жизнь моя превратилась бы в прах,
Не согрей ты мне душу любовью.

Нет, не светится святости нимб
Над тобою, готовой в дорогу,
Но меня каждым вздохом своим,
Как никто, ты приблизила к Богу.

МОЕМУ ДЕДУ

Как будто сквозь дымку веков,
Я вижу, взбежав на крыльцо,
Его в морщины трудов
Закованное лицо.

Оставило время свой след
В сплетенье морщин и жил,
Как будто он сорок лет
С пророком в песках кружил.

Не чужа ни ног, ни рук,
Трудился мой дед, как вол,
Чтоб обернулся вдруг
Кроткой овечкой волк.

И в каждую новую даль,
Сулившую тьму забот,
Он вчитывался, как в скрижаль,
Не замечая суббот.

Казалось, он, сплетен злых
Не слыша, кратчайший путь

Открыл от мозолей литых
До неба, вошедшего в грудь.

* * *

Встает на цыпочки трава
Со дна воронки
И шепчет нежные слова
Седой девчонке.

Не суждено ей по весне
Встречать солдата...
Пылают в маленьком окне
Одни закаты.

А под глазами — не убрать —
До боли зримы
Круги, как петли, что, видать,
Скользнули мимо.

Но не унять в глазах тоску,
И, словно платье,
С заточенных войною скул
Себя не снять ей.

Не мять ей больше, видит Бог,
С любимым росы,
Но ждать, согнув в бараний рог
Косу безносою.

1945-й

Лицо твое вконец усталое...
Но слезы мимо желваков
Струятся, словно воды талые
Из-под осевших вдруг снегов.

И вновь надежда в сердце теплится,
Как отраженье вешних звезд,
И вновь жар-птицу мне не терпится
Потрогать (не схватить) за хвост.

Поскольку помню, как над спицами
Вязальными склоняюсь, светла,
Ты говорила: „Бог с ней, с птицею,
Важнее чистый жар крыла“.

МАЙ 1945-го

Все окна проглядела наша хата,
Мечтая заглянуть за горизонт.
Весна, увы, не дождалась солдата,
Седьмое небо выплакав дождем.

И мама вдаль смотрела сквозь усталость,
Блуждая слепо в собственных глазах,
В которых ни слезинки не осталось —
Окаменели слезы на щеках.

Смотрела мама, спрятать силясь в угол
Улыбке неизбывную тоску,
И майским бликам было неуютно
На остриях ее монгольских скул.

И я услышал под гармонь соседа
Печальный шепот молодой травы,
Как будто за плетнем сама победа
Прощения просила у вдовы.

* * *

Я помню, как из нищенского быта
Не то за горизонт, не то за тын

Шагнув, звезде, сорвавшейся с зенита,
Ладонь подставить успевала ты.

И небо – не простое, а седьмое
Глазело, подарив себя реке,
Как тучку я выгуливал с тобою
На длинном незаметном поводке.

И, нагулявшись вдоволь до зевоты,
Я видел сон, свалившись у крыльца:
С твоей ладони, черной от работы,
Пью воду, как с прекрасного лица.

Уже тогда на бесконечном фоне
Руин, рождавших злую боль в груди,
В твоей судьбой исчерканной ладони
Жила прямая моего пути.

1947-й

Навалилась ночь на сад,
Месяц строит рожу..
Снова косточки трещат
У Деда Мороза.

Но смеется за рекой
Женщина под ивой,
Словно ей подать рукой
До звезды счастливой.

Кто б еще смеялся так,
В пику злым урокам,
На морозе стоя, как
На крыльце высоком?

Только ведают зенит
И окопы: это

Серебро седин звенит
В смехе, полном света.

В нем — блокадность скул и слез
Горькие колодцы...
Чтобы сын мужчиной рос,
Женщина смеется.

* * *

Я совсем не помню батю,
Павшего в бою
В сорок первом, на закате,
Головой к жнивью.

Ни походки, ни улыбки,
Ни колючих щек —
Ничего, поскольку в зыбке
Я лежал еще.

Но порою не его ли
Узнаю черты
В облаках, пропахших волей,
В травах, смявших тын?

В тишине, литой, как заступ,
В громе за холмом,
В майских лужицах глазастых,
В дождике слепом?

В каждой строчке с вешей сутью,
Что не я сложил,
В яростном сплетенье судеб
И набухших жил?

В чуть заметной тропке в пойме,
В пении скворца?..

Кто сказал, что я не помню
Моего отца?

ТЫ УЛЫБАЛАСЬ ВО СНЕ

Я помню, как ты улыбалась во сне,
Морщин чуть смягчая насечку.
Казалось мне, в Богом забытом окне
Затеплили ангелы свечку

И тихо беседу ведут за столом
О детях, таких непоседах,
О соли, о спичках, о хлебе ржаном —
Короче: о вечном беседа.

Я помню, как ты улыбалась во сне
(Хоть было тебе не до жиру),
Как будто в фату разодетой весне
Ты юность свою одолжила.

И свет на губах от пожаров сухих,
Казалось, слетел с небосвода,
И блики играли на скулах твоих
Высоких, как вешние воды.

И вдруг на минуту почудилось мне
У края заросшей воронки,
Что мир ничего не слышал о войне,
Что не было нам похоронки...
И только слезинка по вдовьей щеке
Скользила, как будто входила в пике.

МАМЕ – СОЛДАТСКОЙ ВДОВЕ

...А сердце до сих пор болит,
Без твоего оставшись света...

Далекий, как палеолит,
Тот горький день не канул в Лету.

Я помню: месяц из-за скал
Торчал вселенскою занозой,
И клен трещал (или стонал?),
Распятый на кресте мороза.

А ты, лежавшая в гробу,
Уже стояла перед Богом
И не пеняла на судьбу,
Что выходила часто боком;

Как старый маршал на парад
Выходит при любой погоде,
Как измочаленный солдат
Из окружения выходит.

Был твой недолгий век судим
До дня последнего и часа...
Я знаю, серебро седин
Дороже золотых запасов

Страны, которой больше нет,
Страны, чей век, как твой, был краток...
Да, нет страны, но вечен свет
Святых седин ее солдаток.

* * *

Горю неожиданному ни осокори,
Ни бездорожье, увы, не заслон.
Словно за гору, за мамино горе
Медленно майское солнце зашло.

От тишины, оглушающе звонкой,
Страшно так не было, может, сто лет...

Слезы, раздавленные похоронкой,
На колченогом темнели столе.

Горе острее отточенной бритвы...
Но, растерявшая в горле слова,
Самую первую в жизни молитву,
Сердцем озвучив, шептала вдова.

И от разбитого горем порога
Мама несла исцеленье другим...
Крепок примчавшийся в радости к Богу,
В горе пришедший – несокрушим.

* * *

Где ты, мама? В каких ты мирах
Звезды пестуешь в тесном окошке,
На чужих, многошумных пирах
Измолившая ладошки?

Где ты, Божий искавшая храм?
За каким обитаешь порогом?
Может быть, ты давно уже там,
Где на равных общаются с Богом?

Где ты, милая? Голос подай,
Не обидевшая и мухи...
Может, все же попала ты в рай
За свои каждодневные муки?

И, наверное, стало светлей
Там, в раю, ибо знаю всей кровью:
Белых ангельских крыльев белей
Седина твоя горькая, вдовья.

Где ты? Жизни осталось в обрез...
Я сажу над рекой под холмами...

От упавшей звезды у небес,
Как у мамы, круги под глазами.

* * *

Снова детство, канувшее в Лету,
Там, где к хате подступал осот,
Горький ломтик хлеба — как конфета...
До утра под ложечкой сосет.

Над трубою дым не вяжет лыка,
Закипает в казанке вода.
И, волнуя чувства, мамалыгой —
Вкусно пахнет каждая звезда.

И почуял мальчик в худосочных
Мышцах твердость вдовьих желваков,
И орлом просторы рек молочных
Оглядел с кисельных берегов.

Слева — змей-горыныч и жар-птица,
Справа — море... Сжечь его дотла
Угрожая, вздорная синица
Чуть с ума пожарных не свела.

Я уже давно имею сына,
Но смотрю, волнением объят:
Вновь над миром мамины седины,
Словно гуси-лебеди, летят.

МОНОЛОГ ПРОПАВШЕГО БЕЗ ВЕСТИ

Пострашнее снаряда и бомбы,
Сея неумолимую смерть,
Танки шли, как положено, ромбом,
Прогибая вселенскую твердь.

Что же крепче, я к небу взываю,
Что надежней на гребне огня:
Грозных „тигров“ броня лобовая
Иль сердец лобовая броня?

Наши кости лежат в буераке,
Но не правит живыми закат,
Потому что запутались траки
Танков в жилах двужильных солдат.

Мы – пропавшие без вести. В списках
Награжденных нет наших имен...
Заблудился в литых обелисках
Вещий шелест пехотных знамен.

Но остались, волнуя до дрожи,
Небо, Речка, Подсолнух, Луна –
Это мы, безымянные, все же
Называем свои имена.

СНЕГ

Еще не опорочен, не судим,
Еще никем не смят и не запятнан,
Сошел на землю снег с твоих седин,
Такой высокий, светлый и опрятный.

И вспомнил я: еще гудел огонь
Войны, и снег, как в облаках, витая,
Доверчиво ложился на ладонь,
И вдовьими слезами таял, таял...

ОТЦУ

Вот и май пришел. Войне конец.
Мир ликует в радости безмерной.

Ночью постучал в окно отец,
Встав с трудом из-под звезды фанерной.

На губах улыбка запеклась,
Та, что из страны влюбленных родом...
Не успевший надышаться властью,
Не искал в огне отец мой брода.

Но в бою у вздыбленной реки,
Где в прицеле свет сходилась клином,
Он, отлив из гнева желваки,
Стал сродни гранатам, бомбам, минам.

И надежный, как земная ось,
Прохрипел: „Простите мертвых, братцы,
Что четыре вечности пришлось
Вам, живым, победы дожидаться“.

ЖЕНЕ

Обращается женщина к Богу,
Нахлебавшись мирской суеты.
Жизнь — к закату, но в утро дорогу
Знает сердце, став с небом на „ты“.

И целебного чище озона
Каждый вздох из прозревших глубин,
И сродни серебристому звону
Звон задетых звездой седин.

Жизнь — к закату, тогда почему же,
Убивая сомнения яд,
Вдоль дороги весенние лужи,
Как высокие свечи горят.

Млечный Путь подступает к порогу,
На котором, молясь горячо,
Обращается женщина к Богу,
Подставляя мужчине плечо.

ВДОВЫ СНЫ

На скамейке, возле хаты,
Я смотрю, как в бабьи сны
Полстолетия солдаты
Все идут, идут с войны.

Муки адовы изведав
В поле, в море, в небесах,
Возвращаются с победой
На запекшихся губах.

Без конца идут, без края...
Ты уж лучше их не тронь.
И на скулах их играет,
Понимаю, не гармонь.

Все идут, идут, не тают,
На себе неся войну,
Очень строго соблюдая
Гробовую тишину.

Их молчание и жесты
Убедительнее слов...
И не маршальские жезлы
В вещмешках, а слезы вдов.

В ОЖИДАНИИ РАССВЕТА

Свет прольется на кусты раkit,
Загустеет в ягодах крушины,

И седьмое небо зазвенит
В поднебесье глотки петушиной.

И, улыбкой освежив лицо,
Вся седая, в выгоревшем ситце,
Мама тихо выйдет на крыльцо,
Ось земная скрипнет половицей.

И бадья, напомнив о былом,
Словно гильза, звякнет у колодца,
И за речкой подгулявший гром
О могилу братскую споткнется.

Сердце, в левой занемев руке,
Вдруг очнется в горле раскаленном,
И слеза по маминой щеке
Поползет сиротским эшелоном.

ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА
БОЛЬ

РАВВИН

Средь хибар черней иных руин,
Между синагогой и пороком,
Жил на нашей улочке раввин
С бородой библейского пророка.

Повидавший всякое, старик,
Весь в молитвах — до седьмого пота,
Этот мир, где каждый миг столик,
Чтил, как Богом данную субботу.

Щедрый, словно вешняя вода,
Был он удивительно рассеян,
Мягок был, но речь была тверда,
Как чудесный посох Моисея.

И, кривя в святом волнении рот,
Он взывал к сидящим у порогов:
„Что ж ты, Богом избранный народ,
Вместо храма строишь глазки Богу?!“

И чтоб я душой не окошел,
Сквозь столетья горя и печали
Голоса двенадцати колен
В одиноком голосе звучали.

БАБИЙ ЯР

Снова корчится ветер в траве,
Стоны в птичьем качаются геме,

И, как волосы на голове,
Шевелится земля под ногами.

Слышу детский отчаянный крик,
От которого гаснут Стожары...
Словно плавающий материк,
Боль восходит из Бабьего Яра.

От нее не спасут ни поэт,
Ни указ, хоть в лепешку разбейся.
Боль с глазами раввина, в чьих пейзах
Заблудились три тысячи лет.

Боль с раскрытым от ужаса ртом,
С животами беременных женщин,
Боль, которой навеки увенчан
Бабий Яр или вселенский разлом?

Но кровавый все тянется счет,
Где-то рядом бушуют пожары...
Сколько лет, сколько жизней еще
Выбираться из Бабьего Яра?

НА СТАРОМ КЛАДБИЩЕ

На старом кладбище еврейском,
Заросшем густо бузиной,
Стоит в величии библейском
Луна в обнимку с тишиной.

Портной, ходивший в тройке рваной,
Философ местный – врач невежд –
Лежат в земле обетованной
Своих несбывшихся надежд.

Поэт районного масштаба
Зарыт у самого плетня.

Его не то грудная жаба
Загнала в гроб, не то родня.

А там, где гуще подорожник,
Лежат, суля мне ночь без сна,
Биндюжник, пивший, как сапожник,
И кроткая его жена.

Пророк осмеянный, старуха,
Цирюльник, мусорщик, раввин...
Земля им стала мягче пуха
Когда-то вспоротых перин.

И холодней, чем грунт колымский,
Льнут камни скорбные к ногам,
Как будто Иерусалимский,
В который раз, разрушен храм.

ЭСФИРЬ

„Ты знаешь, кто ты? — шепчет ночь,
Скользнув под каменные своды.
— Царица? Да! Но прежде — дочь
Порабощенного народа“.

Как, сохранив улыбку, ей
Взойти к властителю на ложе,
Когда короны тяжелей
Предчувствие, что душу гложет,

Когда жестокость и обман
В цене... И все ж — ну просто сказка —
Наказан будет злой Аман,
А добрый Мардохей обласкан.

Но их забыли бы шутя,
Без женщины, в лихое время

Спасающей свое дитя
Иль горем избранное племя.

ИЕРУСАЛИМ

Над городом вечным раскинулась ночь —
В заплатах созвездий хламида,
И век сумасшедший попятился прочь,
Настигнутый тенью Давида.

Царь спрятал подальше свой праведный меч,
Но меньше не стали ни боли,
Ни горе... И катятся головы с плеч,
Как перекасти-поле.

Всё. Хватит разбрасывать камни и дней
На ветер швырять быстротечность.
Мы город построим из этих камней,
И будет он с видом на вечность,

На мудрые строки священных томов,
На злые ухмылки порока,
На клинопись шрамов на спинах рабов,
На светлые лики пророков.

И, Господом Богом надежно храним,
Встававший из плена и тлена,
Он будет обязан бессмертьем своим
Слезам, подпирающим стены.

ЗВЕЗДА

Ей не нужны ни громкий пленум,
Ни созданный намедни миф...
Она взошла над Вифлеемом,
Сто тысяч ложных солнц затмив.

Нас ждут Майданек и Освенцим,
Нам гнить под Киевом во рву,
Но будет мир спасен Младенцем,
Спокойно дремлющим в хлеву.

И не дары волхвов порукой
Тому, а легкий, как пыльца,
Мариин сон, тот самый в руку,
И наши кроткие сердца.

Еще не раз зальется кровью
Земля, но каждый день и час
Звезде лучиться в изголовье
Времен и каждого из нас

И посылать свой свет безгрешный
В наш мир до страшного суда,
Чтоб ни одна звезда в кромешный
Ад не скатилась никогда.

АННА ФРАНК

Весом, как летопись, дневник
Девчушки одинокой,
Страница каждая – родник
Ее души высокой.

Бумагу нервно теребя
У опустевшей миски,
Она боится за себя,
Но более – за близких.

Живет в ней, чистой, как Ассоль,
Синонимом свободы
Еврейского народа боль
И боль других народов.

Мир громыхает, словно танк.
Смерть, ненависть, стенанья...
А в мудром сердце Анны Франк —
Любовь и состраданье.

Она, как дождик проливной
Из утреннего света,
Она-то знает: шар земной
Вовек не втиснуть в гетто.

Светла, как ранняя весна,
Как песнь о райских куцах,
Давно умершая, она
Пришла из дней грядущих.

СОН

Однажды при свете огромной луны,
Продутой ветрами Синая,
Себя повстречал я у вечной Стены,
Где люди и время стенают.

Я лбом прижимался к прохладной Стене,
Я, жизнь превративший в рулетку...
И камни, горевшие трижды в огне,
Мне плакались тихо в жилетку.

И видел я кровью, терзавшей виски:
Булыжники, стертые Ноем,
Твердели, как предков моих желваки,
Чтоб встать неприступной Стеною.

Чтоб, все же осилив вселенское зло,
Вдруг поняло каждое племя,
Что время разбрасывать камни прошло,
Что их собирать уже — время.

Вчерашних успехов отбросив рвань,
Стоял я, омытый веками,
И камни цеплялись за сердце мое,
Надеясь, что сердце — не камень.

ЗВЕЗДА ДАВИДА

Замерев у ракиты, над гладью пруда,
Чую я сквозь рубашку из твида,
Как мне в спину падучая ткнулась звезда,
Обернувшись звездой Давида,

И, набухнув горячечным желтым огнем,
Мое тело в мишень превратила...
Ухмыляется в душу мне ночью и днем
Новоявленный с тростью Аттила.

Вот сейчас он поднимет свой шмайсер, и мне
Не укрыться от плети свинцовой,
И звезда, что горит у меня на спине,
Вмиг взорвется звездой сверхновой.

И шепнул я себе, чуть раздвинув уста:
„Выше голову, духом свободный,
Чтоб взошла с твоих острых лопаток звезда,
Для кого-нибудь став путеводной“.

Выжил я! Но за тех, кому больше не жить,
Все равно: за портного ль, за графа —
Каждый день, до скончания дней, выходить
Мне один на один с Голиафом.

К МОЕМУ НАРОДУ

На судьбу свою не сетуй,
Горя, мол, невпроворот.

Ты, разбросанный по свету,
Богом избранный народ.

Видишь, звезды, страх рассеяв,
Из вселенской мчатся мглы...
Это посох Моисея
Слезы высек из скалы.

А другой пророк, глядящий
В степь, где все уже мертво,
Укрощает меч разящий,
Превращая в плуг его.

Нет, судьба твоя чудесна...
Радость в доме иль беда,
Но у Бога в подмастерьях
Оставался ты всегда.

Потому непокоренный,
Перейдя пожары вброд,
Выжил ты, приговоренный
К Божьей милости, народ.

МОНОЛОГ СТАРОГО ЕВРЕЯ

Я стар, как этот старый белый свет.
Я помню, как меня, в обход идиллий,
Водили по пустыне сорок лет
И за нос семь десятков лет водили.

Я Беломорканал на грани сил
Тянул сквозь униженья и обиды.
Вглядись: в нем отразились пирамиды,
Которые я тоже возводил.

Но мне, чья жизнь к концу идет, всегда
Сквозь фальшь речей и черные руины

Светила, как Полярная звезда,
Звезда Давида на спине у сына.

Засох я, как забытая лоза,
Сгорел, как в засуху стораёт просо,
И даже Моисеев чудо-посох
Не смог бы увлажнить мои глаза.

Я пережил друзей и три войны,
Слез больше нет во мне, я — просто кляча,
Но я есть продолжение стены,
Которую зовут Стеною плача.

И все-таки твержу я вновь и вновь,
Осилив горьких пятилеток шмоны:
— В конце Стены вас, люди, ждёт Любовь —
Та, что мудрей всех притчей Соломона.

ЦАРЬ СОЛОМОН

Не забрежит в туннеле спасительный свет,
Если слушаешь время вполуха...
Это слабый живет суетою сует,
Сильный — вещим томлением духа.

Он давно уже выжал гордыню и спесь
Из души, опаленной любовью,
И, как храм нерушимый, великая песнь
Поднялась сквозь руины злословья.

Тлеет старость на серых висках. Не беда —
Разве жизнь прожита была всеу,
Если мудрость всевидящая, как всегда,
Пред слепую любовь пасует?

Нет, не кончена жизнь, и не близится час
Туч, грозящих его небосклону,

Если мудрости, чует он, счастьем лучась,
Не хватает ему, Соломону.

ПРОРОК ИСАИЯ

Попробуй сквозь печаль ночей,
Когда народам не до жиру,
Орало разглядеть в мече
И на войне учиться миру.

И, наступив на скользкий меч,
В литых плечах сажень косая,
Как яркий факел, держит речь
Пророк по имени Исаия:

— Жить, превращая жизнь в вертеп,
Ломая копья друг о друга?..
Не лучше ль, преломив, нам хлеб,
Как знак любви, пустить по кругу?

Но смерть справляет торжество,
И в жилах кровь от крови стынет..
И слово жаркое его —
Глас вопиющего в пустыне.

И жалостью к рабам томим,
Кровавые провидя реки,
Он сердцем — с племенем своим,
А мыслью — в двадцать первом веке.

МОИСЕЙ

Не прокормить народ небесной манной,
Но зря вы, люди, встали на дыбы:
Не будет вам земли обетованной,
Пока не вымрут все рабы.

Не будет вам покоя до седин,
И счастья не увидят ваши дети,
Покуда будет помнить хоть один
Свист, на колени вас бросавшей, плети.

Но как ему, коль снится шелест листьев,
Остаться непреклонным до конца,
Чтоб врезать не в скрижали, а в сердца,
Как компас, десять самых главных истин?

И в жаркий рев песчаной круговерти
Седой пророк без усталости твердит:
„Уж лучше быть накрытым тенью смерти,
Чем жить в тени бессмертных пирамид“.

Осилив ад из сорока кругов,
Родившимся в пути он дал свободу —
Свободнейший из всех рабов
И раб уже свободного народа.

МОЛИТВА

Не бомбой, могущей взорвать этот век,
Не остро отточенной бритвой,
Не голосом громким силен человек,
А тихой и кроткой молитвой.

Певица, кривляясь, поет — не беда,
Хоть выглядит, к слову, убого,
Но пусть помолчат все кумиры, когда
Душа обращается к Богу.

И слово, слетевшее с сердца (не с уст),
Летит в поднебесные сферы,
Как будто горящий терновника куст
Вдохнул в тебя пламя той веры,

С которой ты белые крылья обрел,
Опять воронье растревожив.
И даже парящий у солнца орел
Тебе позавидовать может.

Отныне ни бомба, ни танк, ни змея,
Ни мины за отчим порогом
Тебе не страшны, потому что твоя
Молитва услышана Богом.

МОЙ СОСЕД

Время, примиряя всех, бежит,
Но застыл сосед, прижавшись к тыну:
Нынче утром кто-то бросил: „Жид!“ —
Будто нож всадил соседу в спину.

И стоит он, бравший „языка“,
Переживший мировую драку...
От улыбки жалкой старика
Павшие, восстав, пошли б в атаку.

Ибо помнят, не в пример живым,
Павшие на Волге и за Бугом,
Как делился сухарем ржаным
Жид, который был надежным другом;

Как под небом, брызнувшем из глаз,
Он лежал средь мерзлых трав и кочек...
Но Господь его от смерти спас,
Чтобы испытать еще разочек.

И стоит он, белые усы
Пальцами дрожащими сминая, —
То ли Украины блудный сын,
То ли Вечный Жид ее — кто знает...

РОДИНА

А над землей обетованной
Звезда библейская горит.
Я здесь, конечно, гость желанный,
Хотя не весел и не брит.

Но здесь, где жестче камня травы,
Где зной, как зверь голодный, лют,
Слова, написанные справа
На сердце, прямо в сердце бьют.

Но застарелые, литые,
Кровавым распрям вопреки,
Здесь, под Стеною плача, злые
Оттаивают желваки.

И все же я, друзьями званный
На все готовое, до слез,
Как по земле обетованной,
Грущу по шелесту берез.

Сейчас дохнет полдненным жаром
Чужая, в общем-то, страна,
Но оборвется Бабым Яром
Из слез отлитая Стена.

ОБЕТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ

Сыну

Под звон последнего трамвая,
Покой и сытый быт суля,
Зовет нас, будто призывает,
Обетованная земля.

Но здесь могилы наших близких,
Здесь ночи, боль земли храня,

В июне, словно обелиски,
Стоят у каждого плетня.

И снятся молодость старухам
И рухнувший дамоклов меч
Войны, и те, кто станет прахом
Земным, в который нам всем лечь.

И плачут вдовы... Иль слезами
Исходит тот далекий май?
Нет, не за синими морями
Находится желанный край.

Нет, не в стране, пусть очень милой,
А здесь, мне душу шевеля,
Лежит за каждою могилой
Обетованная земля.

* * *

В спину мне вороны яростно каркают,
Но не боюсь я их черного хора...
Вот это поле, где кровь свою жаркую
В каждый сосудик вгонял я, как шпоры.

Над покосившимся тыном рассветное
Небо висит перевернутой кринкой...
Травы двужильные, росы несметные
И незаметная наша тропинка.

Вот эта речка, в которую белые
Хаты глядятся, где с мостика лихо
Прыгали мы, дочерна загорелые,
За золотыми червонцами бликов.

Вот она, тихая родина малая,
Где долгожданную встретил весну я,

Где нас, как в детстве, бессмертием балауя,
Щедрый Господь посадил одесную.

РОДИНА

Речку тоненьким ледком,
Словно паутиной,
Затянуло. Ночи ком
Песней петушиной

Тает, мне даруя жар
Светлого волнения...
До мерцающих Стожар –
Полсердцебиенья.

Поле кромкою жнивья
Жметя к лунным бликам...
Это родина моя –
Малая в великом.

Братство сел и деревень,
Без которых зябко
Было б даже в летний день
Под собольей шапкой

Мономаха... Стольный град
Рядышком, и все же
Глас души мне во сто крат
Медных труб дороже.

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Другу

Вот холл просторный, спальня, ванная,
Еще две комнаты, цветы...
И это есть обетованная
Земля, которой бредил ты?

А я-то думал, это выжженный
Немилосердным солнцем дол,
А я-то думал, это хижина,
Где Бог пешком ходил под стол.

А я-то верил так неистово,
Что это храм над бездной тьмы,
Откуда хитрого, речистого
Торговца гнал Господь плетьюми.

А я, не ведая сомнения,
Считал, сбежав от сатаны,
Что это Божий глас прощения
И плач евреев у Стены.

Хрусталь, ковры, застолье пьяное...
Великовозрастный пострел,
Везде поспев, обетованную
Ты землю так и не узрел.

МОИМ БЫВШИМ СОГРАЖДАНАМ

Вечер. За городом снова я.
Осень на звездных мирах.
Плавают листья кленовые
В лунных морях.

Дня, отошедшего осыпью,
Тени лежат на полу,
Теплится маленькой осенью
Свечка в углу.

Слышно и в Хайфе, и в Падуе,
Как у далекой реки
Звезды и яблоки падают
Вперегонки.

Слышно под крышами новыми,
Как над кустами раки
В небе озябшем подковами
Счастье гремит.

Горькое счастье, несытное...
Но без шепотки росы —
Только краюху ситного
Будешь ли сыт?

Вот и вздыхают украдкой
На Елисейских Полях
Те, кому пыткой сладкою
Снится Чумацкий Шлях.

* * *

Уезжают друзья из страны —
Кто с улыбкой, кто слезы глотая...
Ты меня на углу тишины
И луны ожидаешь, босая,

Чтоб запомнить опавший листок,
Так на нежное сердце похожий,
Чтоб в разлуке согрел холодок
От росы, пробежавшей по коже.

Чтобы слышать до судного дня,
До последнего вздоха и хрипа,
Как по кольцам плечистого пня
Ходит шелест зарезанной липы,

Чтоб, спеша, как бывало, на плес
По заброшенной старой дороге,
Об упавшие звезды до слез
Исколоть загорелые ноги.

Чтоб о родине горькие сны,
Как младенцев, носил тебе аист...
Уезжают друзья из страны,
Словно я от себя отрекаюсь.

К КНИЖНИКАМ

Ни в яслях овечьих, ни в храме —
(Где был он, ваш глаз, как алмаз?)
Мессия, не признанный вами,
Прошел не спеша мимо вас.

А надо б вам было без страха
Шагнуть под забрезживший лик,
Но книги, пропахшие прахом,
Держали вас крепче вериг.

И в ярости, прямо с порога,
Вы слово Его отмели,
И вы не услышали Бога,
Оглохнув совсем от молитв.

С вопящими: „Зрелищ и хлеба!“ —
Во все времена заодно
Вы, не разглядевшие неба,
Когда к вам стучалось оно.

Ужель многомудрым педантам
Так трудно, так сложно понять:
Толстенной броней фолиантов
Манящие дали не смять.

Но в душах Читающий знает:
Однажды придет ваш черед —
Вам, книжникам, книга иная
Страницы свои распахнет.

И вы (пусть уже на излете,
Пусть век ваш подходит к концу)
В слезах ко Христу припадете,
Как блудные дети — к отцу.

ДРУГУ

„Господь — мое знамя“

Жаль, конечно, что дружба былая трещит...
Ты не враг мне, хотя и не с нами.
И не нужен мне меч, и не нужен мне щит,
Потому что Господь — мое знамя.

Ты ведешь из тяжелых орудий огонь:
Ты орудуешь злыми словами,
Но сильнее согретая сердцем ладонь,
Потому что Господь — мое знамя.

Против тьмы испеченных лукавым чудес,
Обернуться готовых кругами
Ада, встал я с молитвою наперевес,
Потому что Господь — мое знамя.

Будет в траурной рамке немало имен,
Ибо май наш еще за горами,
Но над шелестом флагов, штандартов, знамен —
Он, Господь, — наше светлое знамя.

ПРОРОК

Нет, не в тиши астральной,
Подальше от дорог,
А в шумной коммунальной
Квартире жил пророк.

Он не ходил на площадь
И не бросал нас в жар.
В очках, сутулый, тощий
Ходил он на базар.

За привозной картошкой
Шел с самого утра,
А ночью у окошка
Сидел, как у костра.

И приходило Слово
Из марева словес,
То вдруг звеня подковой,
А то шумя, как лес.

Не гнул он в рог бараний
С вином пьянящим рог,
Не звал на поле брани,
Но в гости звал пророк.

И свет души высокой
Бросал на окоем,
Забыв, что нет пророка
В отечестве своем.

К МОЕМУ НАРОДУ

Ни плота, к несчастью, ни ладьи
Нет, но, покоровшись воле Бога,
Расступилось море пред людьми,
Обернувшись столбовой дорогой.

Впереди утраты, слезы, боль,
Но, идущий вровень с небосводом,
Разве перекатная ты голь,
Коль себя почувствовал народом?

Впереди мучительный рассвет —
За твою судьбу народ болеет.
Впереди в пустыне сорок лет,
Словно кости вечности белеют.

Но, осилив миллионы бед
И припав к земле обетованной,
Каждый день доказывать тебе,
Что достиг уж ты ее, желанной.

АРМАГЕДДОН

Вспотели от волнения ладони,
И дрогнула земля, как утлый кров,
Когда добро и зло в Армагеддоне
Сошлись и захлебнулась кровью кровь.

Казалось, силы зла неисчислимы,
Все ближе вечной ночи торжество.
Но, Господом который век хранимый
И отвергавший столько раз Его,

Израилев народ осилил зверя,
И наконец-то на колени встав,
Гордыню непомерную умерив,
Узрел Мессию своего — Христа.

И догадался я о самом главном —
Прислушайся, народ мой, к небесам:
Ты избран Богом, чтоб как равный к равным
Прийти к другим несчетным племенам,

Чтоб мировые струны счастья тронув,
Жить с совестью в ладу, жить не во зле,
Чтоб больше никаких армагеддонов
Отныне не бывало на земле.

ЯЗЫК

За много столетий не только азы
Истории горькой усвоив,
Народ под знамена поставил язык,
Где каждая буква, как воин,

Как пахарь двужильный, как древний пророк,
Как зодчий прекрасного храма,
Стоит, чтоб в сплетенье вселенских дорог
Не сгинуть сынам Авраама.

Как будто вчера еще мертвый язык,
Рассветные сея зарницы,
Восстал, попирая и пулю, и штык,
Из пепла волшебною птицей.

И понял я: был он, как хлеба ломоть,
Велик и бессмертен от века,
Язык, на котором впервые Господь
Заговорил с человеком.

СПЕШУ Я К ДЕТСТВУ
НА ПОКЛОН

МАЦА В 1946-м

Хрустевшая нежно, как первый ледок,
Воды и муки продолженье,
Она обжигала, как Ближний Восток,
Мальчишечье воображенье.

Как будто прошедших веков черепки —
Кусочки мацы на ладони...
И колокол зноя ударил в виски,
И небо вдруг стало бездонней.

И вместе с толпой, для которой закон
Не писан, и нету в нем проку,
Я требовал криком, похожим на стон,
Еды у седого пророка.

Скупую улыбку роняя, как блик,
Мне в душу глядел он, как в воду.
„А ты-то откуда?!“ — воскликнул старик.
„Из сорок шестого я года“.

И, вывернув тощий солдатский мешок:
„Бог видит, — вздохнул он устало, —
Маца — хорошо, ну а сала кусок,
Чтоб выжить...“ И дал он мне сала.

* * *

На запятках заката ютась,
В ночь скользит уходящее лето.

И, как вспугнутый щукой карась,
Звонкий голос вдруг вскинулся где-то.

Звонкий голос вдруг вскинулся где-то —
Выше неба и дальше полей.
Звонкий голос... А может быть, это —
Эхо детством оплавленных дней.

Эхо детством оплавленных дней,
Зачерствевшее сердце врачюя,
Над просторами лунных морей
До сих пор, я уверен, кочует.

До сих пор, я уверен, кочует
В росных травах, ломящихся в дверь,
Наше детство... И снова шепчу я
Твое имя, устав от потерь.

Твое имя, устав от потерь,
Я шепчу, в суть явления вникая.
Подлым слухам не верь! Брату верь,
Даже если зовут его Каин.

ВДОВАМ МОЕГО ДЕТСТВА

Поскользнувшись на тающих звездах,
Ночь упала с июльских небес
В мир, где пахнет надеждою воздух,
Где кресты, как остроганный лес,

Где, старушек со скорбными ртами
Встретив, шепчешь: „Себе хоть не лги.
Никогда никакими шелками
Ты свои не погасишь долги“.

Но всю жизнь мне, я чувствую, братцы,
Из-под собственных тяжких оков,
Как на круги своя, возвращаться
На круги под глазами у вдов.

Каждый день, до скончания века,
К материнскому дому спеша,
Погружаться мне в горькую реку
Слез их, чтоб очищалась душа,

Чтоб однажды, все страхи разрушив,
Животворен и чист, как родник,
Через них, безответных старушек,
Голос Бога мне в сердце проник.

МАЙ

Дед, примеривая талес,
Слушал, как за тыном
Пузыри в воде взрывались
Хором лягушиным.

И двенадцати коленам
Поклонившись низко,
Текстом он читал священным
Строки с обелиска,

Что стоял, забытый всеми,
Пасынком Победы...
И слезой катилось время
По щеке у деда.

И лягушки (скажешь, сказка?),
Сотрясая пашни,
Нас, живых, вгоняя в краску,
Окликали павших.

ОСЕННЕЙ НОЧЬЮ

Как в детстве, стою у колодца...
Мир гол, неуютен и мглист.
„Летучим Голландцем“ несется
Последний оторванный лист.

Лишенный прозрачности воздух
Мечтает о звездных мирах.
И в брошенных птицами гнездах
Так пусто, как в лунных морях.

И каждый подкравшийся шорох
Пугает. И высь без огней
Душе, прозябающей в шорах,
Вдруг кажется ада черней.

Услышал я голос, однако,
Осеннюю ночью слепой:
„Не бойся вселенского мрака,
Господь Всемогущий с тобой“.

Пусть ложных надежд преисполнен,
Лукавый берет на испуг..
Что девять кругов преисподней,
Коль выбрал ты солнечный круг!

В КРАЮ ДЕТСТВА

Когда-то здесь роса меня кропила
И бабочки садились на ладонь,
А вдоль плетня цветущая крапива
Стояла, как стреноженный огонь.

В реке, впадавшей ласково мне в руки,
Под тихий шелест кленов и осин,

Под носом у состарившейся щуки
Дремали без боязни караси.

И слушали буренки и пеструшки,
Забыв, что рядом сочная еда,
Как царских, голубых, кровей лягушки,
Заважничав, не лопались едва.

Здесь, на побитом звездами пороге,
И с небом, и с землей — лицом к лицу,
Еще не зная ничего о Боге,
Как никогда, я близок был к Творцу.

ВОЗВРАЩЕНИЕ С СЕВЕРА

Те же звезды над хатой моей,
Сколько вечностей их не меняли...
Я вернулся домой. Не меня ли
Ждет погода у синих морей?

Я бегу, как бывало, трусцой
По тропинке, а слева и справа
Надломились былинные травы,
Заарканенные росой.

Я вернулся домой. Почему ж
Обмелели весенние лужи?
Почему (может, чую, не сдюжу)
Не берусь я, как прежде, за гуж?

Почему, я никак не пойму,
Обернулась царевна лягушкой?
И жар-птица кудахчет несущей
Почему? Почему? Почему?

Почему, словно холодом, грудь
Окатило так больно и гулко?

Почему вдруг глухим переулком
Показался мне Млечный Путь?

Почему? Не с того ли, что там,
С Заполярьем крутым по соседству,
Я оставил иллюзии детства
На растопку моим корешам?

1960 год

ДЕТСТВО

Казалось, музыка звучала
В словах „пассаты“ и „муссоны“,
И у луны, как у причала,
Трава покачивалась сонно.

И над рекой, петлявшей в кручах,
Я наблюдал за превращеньем
Мышей летучих в рыб летучих,
Сверкавших влажным опереньем.

И где-то там, вдали, над степью,
Теснившей грудь буреломы,
Гремели якорною цепью
Полынью пахнущие громы.

И карту вызубрив на совесть,
Швырнув под киль семь футов неба,
Летел я к Острову сокровищ,
Жуя пайковый ломтик хлеба,

Чтоб у видавших виды кленов
Отдать под шелест трав кудрявых
Сундук пиастров и дублонов
За пару гильз, еще не ржавых.

1945 год

БАБЬЕ ЛЕТО

Солнце с тополя смотрит застенчиво
На поля, на дома, на дорогу...
На улыбку стареющей женщины
Бабье лето похоже, ей-Богу!

Бабье лето! Я б очередь выстоял
В жизнь длиной, чтоб узнать (не для тоста) —
Паутинки его шелковистые
Держат крепче цепей самых толстых.

А вокруг тебя — ох, не сусальные —
Дети носятся с воплем апачей,
И улыбка твоя, чуть печальная,
Понимает восторг их телячий.

Потому что, на годы не сетуя,
Знаешь, полная кроткого света,
Что весна, еще ими не спетая,
Смотрит с доньшка бабьего лета.

МАЙСКИЙ ВЕЧЕР

Ветер травы погнал к горизонту взашей,
Зной сдается закату на милость,
И от высшего пилотажа стрижей
Голова у земли закружилась.

И лягушки кричат на своем языке:
„Мы царевну в свой круг не приемлем!“ —
Так, что хочется чистой по-детски реке
От стыда провалиться сквозь землю.

А у тына, в чьих кольях осина болит,
Мама, теплым пропахшая хлебом,
Длинный день провожает словами молитв,
Примирияющих землю и небо.

* * *

Каждой травкой надежно храним,
Рядом с маминой хатой, за тыном,
Я лежу вровень с небом седьмым,
Шелест ржи положив под затылок.

Надо мной высоко-высоко,
Не дотянешься сразу глазами,
Погрузился зенит в осокорь,
И пошли горизонты кругами.

И спустившись с крылечка в рассвет,
Мама, вдруг посветлевшая ликом,
Горячо говорит что-то вслед
Облакам — переходим каликам.

Им, к которым на долгом пути
Не пристали ни ложь, ни коварство,
Им молитву б ее донести
До порога Небесного Царства,

Чтоб Всевышний, услышав ее
Голос, севший как будто от жажды,
Душу сына ее до краев
Светом веры наполнил однажды.

СВЕТ В МАМИНОМ ОКОШКЕ

Метель заметала пути и дорожки,
Все стороны света во мгле схоронив,
Но теплился в мамином тесном окошке
Свет, свету звезды путеводной сродни.

И дрогнул, как мерзлая ветка осины,
Казалось, уже меня взявший в кольцо
Лукавый, свистевший в два пальца мне в спину,
Стрелявший мне снежным зарядом в лицо.

Казалось, что силы мои на пределе...
От сердца, застрявшего в горле, — тоска,
Но в утлом окошке, как в небе апреля,
Свет теплился прядью седой у виска.

Метель заметает пути и дорожки...
Ни мамы, ни хаты давно уже нет.
Тогда почему же все ярче в окошке
Судьбы моей тот разгорается свет?

* * *

Ты солнце будила, скрипя половицей,
И в срок просыпался петух за плетнем,
Поскольку твой голос над чистой криницей
Играл молодым виноградным вином.

От тяжелой работы все косточки ныли.
Избавить бы плечи от этой горы...
Работа, работа, работа... Но были,
Как звезды весенние, очи светлы.

Но щедро набухшие кровью мозоли,
Хватило б которых с лихвой на двоих,
Как будто вечерние тихие зори
Горели на узких ладонях твоих.

Но, помня чугунную тяжесть рассвета,
Тупую покорность изведав сполна,
От трижды проклятой, стократно воспетой
Работы гудела, как пчелы, спина.

Потом ты сидела на теплом пороге,
Небесную чувствуя благодать,
И вечность суровая с Млечной дороги
Сошла, чтоб по-бабьи с тобой поболтать.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Стужей стреноженные луга,
В звон источившийся воздух...
То ли скрипят под ногами снега,
То ли — упавшие звезды.

Вечер январский все льдистей, острее,
Воет Полкан по соседству,
Но потянуло вдруг с дальних полей
Теплым дыханием детства.

И над полоской песчаной косы,
Там, где встречал я девчонку,
Мчатся без усталости Гончие Псы
С вечностью наперегонки.

И горизонты на цыпочки трав
Встали, от ветра хмельные,
Чтоб заглянуть, облака разогнав,
За горизонты другие.

РАССВЕТ В ДЕТСТВЕ

День поднимался на речной откос,
Размыв теней причудливый орнамент,
И шелестели крылышки стрекоз,
Как древний непрочитанный пергамент.

А я стоял в некошеной траве,
И горизонтом наливалось тело.
И в каждой жилке, словно в синеве
Небесной, жаворонком кровь звенела.

Я различал столетий голоса,
Срывавшиеся с солнечного диска,
Как будто я стоял у колеса
Истории, понятной мне и близкой.

С ЯРМАРКИ

Затеплив осени лампадку
В резном окошке сентября,
Кольнуло время под лопаткой,
Грусть понимания дая.

Мне ни к чему теперь бравада
И звон сверкающих рапир,
Коль листья тающего сада
Озвучивают этот мир.

Здесь ни одной фальшивой ноты
Не отыскать, хоть сбейся с ног,
Поскольку соль седьмого пота
Не соль, а золотой песок.

И в звуках жизни уходящей
Вдруг слышишь поступь новых сил...
И сын, на ярмарку спешащий,
Задумавшись, притормозил.

* * *

Спешу я к детству на поклон,
Где травам дождь ломает выи,
Где молния ударит в клен,
Нарушив кольца годовые,

Где летом, в поздний час ночной,
Когда на ладан месяц дышит,
И шелест мантии земной,
И скрип земной оси я слышу,

Где новый день во всей красе,
Дыша разросшейся крушиной,
Стоит в сверкающей росе
По пояс в песне петушиной.

И утро, полное чудес,
Даруя хатам и квартирам,
Как колокольчик в семь небес,
„Ку-ка-ре-ку!“ – звенит над миром.

...В обнимку с детством мы сидим –
Оно коротким очень было,
Но, слава Богу, до седин
Мне чистоты его хватило.

ВЕСНА

Холодный дождь унынье сеял,
И гром простуженно сипел,
В непроходимых тучах шею
Сломала молния себе.

Весна, похожая на осень,
Похожий на Кашея лес,
Изматывающая осыпь
Воды, скатившейся с небес.

Но за рекой, пронзая смуту
Тоскливых сумерек, в окне
Твоем горел огонь, как будто
Он подставлял плечо весне,

Еще не ведающей силы
Своей, но, видит Бог, она,
Как ты, мне голову вскружила...
А может, ты и есть весна?

СЛЕПОЙ ДОЖДИК

Солнечных бликов заплаты
Густо на землю легли.

Тычется в каждую хату
Дождик слепой... А вдали

Молния рубит под корень
Сочные гроздья громов,
Но не дрожат осокори
Там, у подножья холмов.

И опьяняюще властной
Силой повержен во ржи,
Глаз на меня чтоб свой ясный
Дождик слепой положил,

Чтобы, как посох пророка,
Вставшего вровень с судьбой,
В дьявольский камень порока
Дождик ударил слепой.

ГРОЗА В СТЕПИ

Вдоль грозового могучего фронта,
Непредсказуема и горяча,
Ночь развалив до седла горизонта,
Молния вдруг рубанула с плеча.

Стругом качнулись былинные травы,
Свежие тропки легко зачеркнув,
Вдоволь позора и доблестной славы
Из гераклитовых вод зачерпнув.

И не озоном пьянящим запахло –
Потом татарских коней и броней
Танковой, жарко горящей, как пакля...
И, чуть белея над щедрой землей,

Мелко дрожат глинобитного дома
Стены, когда, словно слезы из глаз

Каменной бабы, июньские громы
Падают, не достучавшись до нас.

СЛУШАЯ КУКУШКУ

Куковала щедрая кукушка
Средь рассветных бликов и теней,
Мол, телушка за морем — полушка,
Да и век людской куда длиней.

Там не счесть молочных рек в кисельных
Берегах, покой там и уют...
Но лишь здесь на маминых кисейных
Занавесках петухи поют.

И за речкой, вовсе не молочной,
Затянувшей ряской неба синь,
Не сдастся даче шлакоблочной
Сталь косы, презревшая полынь.

И который год, как горсть патронов,
Каждый день катая желваки,
Круговую держат оборону
Вымирающие старики.

Ну, конечно, ярче каждый лучик
Там, где нет нас, где всего полно...
Там, где нет нас, — хорошо, но лучше
Здесь, где и любовь, и боль — одно.

ВОСПОМИНАНИЕ О ДЕТСТВЕ

На меня косясь украдкой,
Вспоминая трудный день,
Трется пегая лошадка
О луну, как о плетень.

Где траву легко согнула
В три погибели роса,
Мышь летучая спугнула
Кем-то брошенного пса.

И горланит возмущенно
Хор лягушек, и в ответ
Золотые листья клена
Зазвенели о рассвет.

Закричал петух за речкой,
Чуя в глотке солнца ком,
И скатился, как с крылечка,
С одинокой тучки гром.

И дыханье краснотала
Нежно тронуло висок,
Словно мама прошептала:
„Помолился б ты, сынок...“

СЕСТРЕ ЛЮДЕ

В светло-сером вылинявшем платье
Ты стоишь, вся мокрая от рос.
Где-то рядом детство наше катится
Годовыми кольцами берез.

И звенит им вслед звезда высокая,
И сверкает пруд в объятьях трав,
Майский гром колючею осокою
До икоты вмиг защекотав.

За рекой квадраты поля хлебного
Помнят танков движущийся ромб...
Тишиною вечера целебного
Оборвался свист фугасных бомб.

Только батю, без вести пропавшего,
Где искать? Куда податься нам?..
И набухла у виска запавшего
Жилка, как солдатский свежий шрам.

СТРИЖ В МАЕ

Он в небо рванулся, как песнь на уста...
И, зноем на травах распятый,
В прицеле раздвоенного хвоста
Увидел я год сорок пятый.

На фоне руин голубеет зенит
Прозрачнее вешней капли.
И печь, уцелевшая чудом, глядит,
Как едет на танке Емеля.

И жилкой, пульсирующей на виске,
Я чувствую, выпрямив плечи,
Как стриж, из смертельного выйдя пике,
Уносится солнцу навстречу,

Как будто воскрес в нем один из орлов,
Страну заслонивших собою...
И больно от к горлу прихлынувших слов,
Что станут моею судьбою.

ОТЕЦ

Все гуще и ближе ложится свинец,
И жаждой искромсана глотка...
Как молод и хрупок по-птичьи отец
Под мятой солдатской пилоткой.

Ему не осилить военных дорог...
А впрочем, ему не до жиру,

Но бруствер — как самый высокий порог,
С которого видно полмира.

И пуля, споткнувшись о сердце его,
Уже никому не досталась...
Он без вести сгинул. Ужель ничего
И впрямь от него не осталось?

А хлебное поле? А клен у плетня?
А в утро ломящийся дятел?
И снова, и снова находит меня
Та пуля, сразившая батю.

ПРОЩАНИЕ С ДЕТСТВОМ

Ветер, под окном примяв газон,
В старых ставнях бьет с ленцой баклуши,
И вошел по самый горизонт
Журавлиный клин в ребячью душу.

Южный Крест и южные моря
Отошли на задний план, поскольку
Небо, грусть мне взрослою даря,
Поделилось с лужей лунной долькой.

Что мне пальмы где-то там, вдали,
Что мне золото иль вода живая,
Если вижу я, как журавли
Между мной и детством клин вбивают?!

ОСЕННИЕ ЛИСТЫ

ОСЕННЯЯ НОЧЬ

Ночь, отлежавшись в опустевших гнездах,
Встает над старым парком в полный рост,
И отрезвляюще-холодный воздух
Жив притяжением студеных рос.

Рябь на пруду... Как в зеркало кривое,
Гляжу в него и чувствую: тону.
И, как циркач заправский, тихо воя,
Барбос мой держит на носу луну.

И золотая рыбка у ракиты,
Вдруг вскинувшись, успела мне шепнуть:
„Не бойся, друг, разбитого корыта,
Коль ты молитвой согреваешь грудь“.

Не потому ли на душе светает,
Что, все мирские сложности гоня,
Осенней ночи простота святая
К Всевышнему приблизила меня.

ИЗГНАНИЕ ИЗ РАЯ

И остались за вратами
Двое: Ева и Адам...
Смоченный семью потами
Есть свой хлеб отныне нам.

Неужели все впустую?
И, забыв про жизнь в раю,

Привыкать нам кровь чужую
Лить на мельницу свою,

Предавать, не дрогнув, друга,
Брата – насмерть в грудь ножом,
И, смеясь, пускать по кругу
Девочку, как рог с вином,

И висеть над домом каждым
Дьявольскому: кровь – за кровь?..
Но, смиряя зло, однажды
В мир с креста сошла Любовь,

Чтоб, застыв над страшной бездной,
Ты увидеть смог в ночи:
То не крест, то свет небесный
На тебе скрестил лучи.

СЫНУ

Наверно, в печную трубу провалилась
Луна, заплутавшая в тучах,
И кроткие ивы сдаются на милость
Ветров, что мужали на кручах,

Угрюмо нависших над темной водою,
Где плавать любил я мальчишкой,
Где шука играла с упавшей звездой,
Как кошка с беспечною мышкой.

И я был игрушкой судьбы ненасытной,
Пока не услышал Исаию:
„Не меч, а орало, не камень, а ситный
Хлеб душу и плоть воскрешают“.

Сгущаются тучи. Как тоненький колос,
Качается век уходящий,
И неба бессмертного слышу я голос:
„Склонись над красавицей спящей –

Душой, не прозревшей, не знающей Бога,
Спеши ей помочь, как когда-то
Помог тебе сын твой ступить на дорогу,
Где солнце не знает заката“.

ПЛОТНИК ИОСИФ

А где Иосиф? Ходит слух:
Ослабить боль разлуки чая,
Он плотничьему ремеслу
Чужих детишек обучает.

Но так, увы, и не размок
Ком в горле, но кипит работа,
И стружка вьется, как дымок,
И пахнут кедром капли пота.

А где-то там визжит пила,
Топор взлетает... И от скуки
Укрылся во дворце Пилат,
Умыв ухоженные руки.

А что с Иосифом? Окрест
Судачат: помешался плотник,
Представив, как тяжелый крест
К горячей прибивают плоти,

Как, сотрясая оком
И эти улочки кривые,
Под разорвавшим плоть гвоздем
Скрежещут кольца годовые.

Теперь бедняге только тлеть...
Живет он, ремесло забросив,
Как будто что-то разглядеть
Боится в дереве Иосиф.

ОБЛАКА

В мир дыша прохладой долгожданной,
Обогнув привычно шар земной,
К нашей тихой речке безымянной
Облака пришли на водопой.

И надолго замерли в высоком
Камыше, как взятые в полон,
Чтоб не потревожить ненароком
Коронованной лягушки сон,

Чтоб карась, осилив полдень знойный,
Зная близкой щуки злую суть,
Отшвырнув свой вечный страх, спокойно
Мог у них за пазухой вздремнуть,

Чтоб увидеть, как Господь с улыбкой
В новый мир, сулящий сердцу взлет,
К утопающему в жизни зыбкой
По воде, как посуху, идет.

ОСЕНЬ

Ложатся гуще тени на жнивье,
И старый пруд поблескивает вяло...
Как быстро солнце золото свое
На медь осенних листьев разменяло.

Пропали в роще птичьи голоса
Последним серебром рассветов росных,

И сиротливо смотрят небеса,
В трех тучах заблудившись, как в трех соснах.

Но, седину шутя смахнув с висков,
Я мчусь в луга, где пегой кляче снится:
Согнув ветра в бараний рог подков,
Она летит вперегонки с жар-птицей.

И я бы мог, душой не покривив,
Поклясться всем и каждому, что чую,
Как горизонты плаваются в огне,
Степь полируя!

НЕ СОТВОРИ СЕБЕ КУМИРА

Не сотвори себе кумира!
Не спрятаться за алтари,
Но чище ладана и мирры
Молитву в сердце сотвори.

И пусть в плечах ты слаб и хрупок,
Но коль высок души настрой,
Ты сотвори, как храм, поступок
И имя собственное скрой.

Не сотвори себе кумира
Из денег. Деньги – сущий прах,
Но ты пусти все золото мира
На ветер в Божьих парусах,

Чтоб подарить больным и сырым
С небес сошедшую весну,
Чтоб мы однажды из кумира
Не сотворили сатану.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Напоследок промчавшись лугами,
Ветер выдохся, и у межи
Перееханная облаками
Без сознания лужа лежит.

Но, сверкая, открылось над миром
Столько неба и радуги нить,
Что хватило б всем нищим и сырым
По огромному счастью скроить.

СТРИЖИ НА ЗАКАТЕ

Закат над просторами ржи
Торжественней музыки Баха,
Пикируют рядом стрижи —
Земля замирает от страха.

И девок волнует в селе,
И хлопцев маня за ворота,
Сгорает на остром крыле
День, щедро пропахший работой.

Что „бочка“, „свеча“ или форсаж?
Вот это, на радость угодыям,
Божественный есть пилотаж,
Поскольку он Богу угоден.

Закат догорел, но светло
От теплого спелого хлеба,
И чую, душа на крыло
Встает, чтоб приблизиться к небу.

УТРО В СЕЛЕ

Знававшие горечь потравы,
Внушавшие робость огню,

Росой укрошенные травы
Стоят, прижимаясь к плетню.

А там, за рекой Саксаганью,
Над ширью колхозных полей
Спешат облака на закланье
Во славу грядущих дождей.

И я, не противник прогресса,
Вступая в рассвет босиком,
Подумал: „Нужны ль „мерседесы“?
Идти надо к Богу пешком,

Чтоб, сердце любовью наполнив,
Услышать вдруг шепот ольхи:
— Ты там, перед небом, замолви
За всех безъязыких стихи“.

МАЙСКИЙ ВЕЧЕР

Вечер бросил в окнах якоря...
И, смущая у плетней старушек,
Так и ходят лунные моря
Ходуном от стонущих лягушек.

Прослезился росами самшит,
Дрожь прошла по заскорузлым кленам,
И надежда Золушкой спешит
На свиданье с миром обновленным —

С миром, где ни злобы, ни калек
Больше нет — есть трудная дорога,
На которой каждый человек
Может подмастерьем стать у Бога.

* * *

От воркованья голубинога
Я просыпаюсь по утрам,
На паперть облачка былинного
Я поднимаюсь. Вот он, храм,

Тобою, Господи, заполненный,
Где всем хватало бы всего,
Где ослепительные молнии —
Лишь тени света Твоего.

И смотрят птахи удивленные,
Как устремляется моя
Душа, молитвой окрыленная,
В неоскверненные края.

Но там, внизу, вдова заплакала,
И кто-то мечется в бреду,
А у кого-то даже маковой
Росинки не было во рту.

И сердце скорбью наполняется:
„Вернись и на себя взвали
Их боль — ведь небо начинается,
Как все бессмертное, с земли“.

МАЙ

Цель наконец-то выбрав —
Наш сонный старый дом,
Из главного калибра
Ударил майский гром.

И сразу — настезь окна,
И синяки не в счет,
Коль сердце, жарко екнув,
Как в детстве, чуда ждет.

Кто помнит неудачи,
Кого страшит навет,
Когда гнедая кляча
Копытом бьет в рассвет?

Когда лягушки стонут
И, оглушая мир,
За царскую корону
Готовы лечь костью.

Кто злом на зло ответит,
Устои все круша,
Когда в зените светят
И солнце, и душа?!

ТЕБЕ

Уж не Всевышний ли мне знак
Подал, когда сегодня утром,
Отяжелев, как хлебный злак,
Ты проплыла за тыном утлым.

Жизнь новую в себе неся,
Ты шла к реке, забыв про скуку,
Где молодого карася
Сон сладкий охраняла щука.

И не заметила сова
Полевку у себя под носом,
И на косу нашла трава,
Да так, что жарко стало росам.

И лезущее напролом
Зло отступило и забылось,
Когда, как первый вешний гром,
Другая жизнь в тебе забилась.

Добро и зло – вот все дела,
Что нами, смертными, творимы,
Но сотворенное без зла
Добро, как жизнь, несокрушимо.

ВОСПОМИНАНИЕ О ПЕРВОМ СНЕГЕ

То парил он почище Улановой,
Мир от серости пошлой храня,
То, загадочный, как Магеллановы
Облака, наплывал на меня.

И, даруя мне радости новые,
Став калифом отнюдь не на час,
Он ковчегом поскрипывал Ноевым,
Что в бессмертье доставил всех нас.

РАБОТА

Сыну

Мой длинный день приблизился к концу,
Отмеченный обычными трудами,
И, медленно стекая по лицу,
Захлебывается семью потами.

Спина (я чую каждым позвонком)
Гудит. В груди мотор как будто спятил,
И жарким клювом, словно молотком,
В висках стучит весь вечер красный дятел.

И я подумал, глядя в ширь небес,
Затепившихся лунной позолотой:
„А вдруг работа – все же волк и в лес
Сбежит. Что буду делать без работы?“

А без нее все на земле мертво,
Нас не насытит блеск богатств несметных,

Но хлеб, что съеден в поте твоего
Лица, — из тех пяти хлебов бессмертных.

МОЛИТВА В ЗАСУХУ

Господь! Пошли на землю дождь,
Слезами радости омытый.
Смотри, как немощен и тощ
Злак, милостью Твоей забытый.

Ударь в колокола громов,
Серпами молний срежь под корень
Зной, чтоб картошки, и грибов,
И разных ягод было море.

Пошли на землю дождь, Господь,
Чтоб каждый, кто не бил баклуши,
Знал: хлеба свежего ломоть
Согреет и ладонь, и душу.

Пошли с небес воды поток,
Широкий, как Твоя десница,
Чтоб вдоволь речка и цветок
Смогли живой воды напиться,

Чтоб мотылек и древний хвощ
Сумели выжить в круговерть
Каленых дней, пошли нам дождь,
Как обещание бессмертья.

ХЛЕБ

...И однажды услышал я то ли с небес,
То ли сердца прозревшего голос:
„Посмотри, во главе легиона чудес —
Хлебный вечность ласкающий колос“.

Чтоб ученые там ни твердили мужи
В академиях разных и выше,
В подпирющем гром, тихом шелесте ржи
Голос Бога все явственней слышу.

И шепчу, как молитву, в горячий июль
Вдруг потрескавшимися губами:
„Все твои закрома, человек, не пятью ль,
Теми самыми, пахнут хлебами?“

И недавно, еще по-младенчески слеп,
Я услышал под небом былинным,
Что, покуда мы будем есть трудный свой хлеб,
Живы будем не хлебом единым.

ЛЕТНЕЙ НОЧЬЮ

Прогибая небосвод,
Потеснив немножко
Звезды, лунный круг вот-вот
Выдавит окошко.

Травы дремлют до зари,
Подступив к порогу,
Как китайский мандарин,
Тучные, ей-Богу!

А роса, что тяжелей
Хомута любого,
Шеей бронзовой моей
Страстно бредит снова.

И, на память мне даря
Блики золотые,
Сохнут лунные моря
По „Святой Марии“.

И такая в небе даль
За ветвистой вишней
Распахнулась... Не меня ль
Вдруг позвал Всевышний?

ВЕСНА

Весна! И на речку бежать я готов
Надежды забрезжившей ради.
От белой горячки цветущих садов
Луну на воде лихорадит.

И слышу я голос: „Душой не криви,
Копавшим не ямы – колодцы
В стреноженной жилами жаркой крови
Весенняя ширь распахнется.

И рыба взметнется из темной воды,
Не помня о зимних мытарствах,
И мерин, отвыкший в ночном от узды,
Потянет легко на полцарства“.

И я, попадавший к гордыне в полон,
Вдруг внутренним зреньем увижу:
К бессмертному небу не тополь, не клен,
А кроткая ива всех ближе.

ЯНВАРСКОЙ НОЧЬЮ

Январской длинной ночью,
Чьи сны – сплошной апрель,
Свалив гнездо сорочье,
Умаялась метель.

И лунными морями,
Волнуясь все сильнее,

Над белыми стихами
Заснеженных полей

Луна вдали парила...
И звезды с неба, как
По лестничным перилам,
Съезжали в буерак.

И, словно мед, вкушая
Дым из печной трубы,
Медведица Большая
Стояла у избы.

И было на планете
Так тихо, верьте мне,
Что слышал я, как дети
Растут во сне.

ОСЕНЬ

У разгоревшегося зарева
Рассвета, отлежав бока,
Осенним золотом заваренный
Мы пили чай из котелка.

Смотрели, замерев под ивами
И укротив словесный зуд,
Как тучками несуетливыми
Делился с небом старый пруд.

А в небе том, никем не меряном,
Зовущий слышался хорал,
И на худых боках у мерина
Сок в серых яблоках взыграл.

И вдруг споткнулась жизнь беспечная
О крест могильный у села,

Как будто вышло время вечное
Из берегов добра и зла.

В БРОШЕННОЙ ДЕРЕВНЕ

С вечных отравленных дымом небес
Звезды бегут в умирающий лес —
Кто ж приютит их бедняжек?..
И, не давая мне спать допоздна,
С лунных морей набегают волна
Страха за тощих дворняжек.

В полночь пустыми глазницами гнезд
Смотрят деревья... Мир словно погост.
Звери покинули норы,
Чья-то калитка отбилась от рук,
И тишина воцарилась вокруг,
Как после глада и мора.

Ни посиделок, ни смеха детей...
Где же вы, люди, с гордыней своей?
Станет ли горькой наукой
Вой одичавших барбосов нам вслед?..
Где же вы, люди? Молчанье в ответ,
Хоть до рассвета аукай.

И в отпевающий шелест травы
Шепот мой: „Счастье подковой, увы,
Не приколотись к порогу...“
Невосполнимых не счесть нам потерь,
Кто же нам, люди, поможет теперь,
Кто, кроме Господа Бога?“

К СЕБЕ

Пришелся ты не ко двору
Судьбе? Не сетуй!

Молись, чтобы Господь к добру,
К любви и к свету

Расположил сердца людей...
В лишениях светел,
Молись, чтоб стало чуть светлей
На белом свете.

Молись! И пусть душа болит
За всех, кто спросит:
„Ну что нам от твоих молитв?“,
Кто камень бросит

В тебя... Но ты свою свечу
От солнца смело
Зажги, и станет по плечу
Святое дело.

БРОШЕННАЯ ХАТА

Спугнув собак бездомных и голодных,
Осенний день вступил в свои права.
В смирительной рубашке рос холодных
У ног застыла, сгорбившись, трава.

Здесь тихо, словно на пустом перроне...
Лишь ворон, выплыв из воздушных ям,
На тыне утвердился, как на троне,
О чем прокаркал в пику воробьям.

И вдруг сорвался ветер с осокорей,
Как с якорей. И птахой, сбитой влет,
Свалился гром к сентябрьской серой хвори,
И ставень бьется рыбою об лед.

И долго умирает вместе с хатой,
В которой мудрость прадедов жила,

На раме, покосившейся когда-то,
Звон вдребезги разбитого стекла.

У КОСТРА

Пламя норовит мне сжечь ресницы,
Хочет укусить меня в ладонь...
В крылья бы, как в пояс, поклониться
Бабочкам, летящим на огонь!

Что мне самолеты над моею
Хатой иль цветной воздушный шар,
Если крылья, нежности нежнее,
Бабочки огню приносят в дар.

Если сквозь их крылышки косые
Видно, только душу с места стронь:
Что-то есть от бабонек России
В бабочках, летящих на огонь.

Если, опыт прошлого сминая,
Истина, как свет, открылась мне:
Только крылья бабочек и знают
Все о Прометеевом огне.

НОЧНОЕ КУПАНИЕ

Вот из воды на берег каменистый,
Задев звезду, нырнувшую в поля,
Выходишь ты. Под кожей шелковистой,
Мне кажется, гуляют соболя.

И ничего у Бога не прошу я,
Лишь об одном готов Его молить,
Чтоб никогда Медведицу Большую,
Как шкуру, людям не пришлось делить.

Ни дачи, ни машины я не жажду
И вряд ли за рога возьму быка,
Но я хочу, чтоб в руку был мой каждый
Сон и не оскудела чтоб рука.

Но главное: вот так с тобой, желанной,
Быть в час, когда, лаская небосвод
Молитвой, ты из речки безымянной
Выходишь, как из иорданских вод.

ЛЮБИМОЙ

В поле, где паслись туманы
Юности моей,
Снег, белей небесной манны,
Лег костями дождей.

А к реке, где я когда-то
Плавал дотемна,
Прикатила в два обхвата
Медная луна.

Рядом вырос дом до срока
В девять этажей,
И тоскует по сорокам
Куча новостей.

Тихо так, что возле тына
Слышно, как сквозь сон,
Годовых колец осины
Мелодичный звон.

Ширь заснеженного поля.
Лунный свет. Река.
...То ли зимний вечер, то ли
По тебе тоска.

МАЙСКАЯ НОЧЬ

Ночь к хлебной приблизилась ниве,
Ночь смотрит на старый погост...
Что может быть красноречивей
Мерцающей мимики звезд?

И пламя затепленной плошки
К душе обратилось моей:
„Что в сросшемся с небом окошке
Безбрежнее лунных морей“.

И ветер, над лугом закончив
Полет свой, спросил у меня:
„Скажи мне, что может быть звонче
Росы под копытом коня?“

И громко кричат мне лягушки,
Раскачивая небосвод:
„Что может быть чище речушки,
Где наша царица живет?“

И страха не ведая больше,
Поставить вопрос я не прочь:
„Что длится бессмертия дольше?“
Короткая майская ночь!

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

В гнездах легко просыпаются птицы,
Ибо легки, как никто, на подъем,
Только вот мерину все еще снится
Смятый ударом копыт водоем.

Но, вдохновенный, берет за живое
Крик петушинный, и бредит коса

Прямо к реке подступившей травой,
И набухает рассветом роса.

В бликах соседских светящихся окон
Грозно качнулась поверхность воды,
И не пойму: то ли вскинулся окунь,
То ли сорвался с мальчишьей блесны.

И зарости не давая мне жиром,
Алым крылом ударяя в виски,
Кровь неумная мчится по жилам
С майской планетою вперегонки.

Где-то собака залаяла, где-то
Рядом проснулись туристы: держись!
И остается чуть-чуть до рассвета —
То ли мгновение, то ли вся жизнь.

* * *

Я шагну в некошенные травы:
По ногам, как острая коса,
(Впрочем, обойдется все без травмы)
Полоснет студеная роса.

И опять, рождая в жилах пламя,
Кровь моя ударится в бега,
Где стояли вровень с облаками
Полевыми храмами стога,

Где людьми забытая деревня
Знает только трав могучих власть,
Где лягушки собственной царевне
Косточки перемывают власть,

Где неважно, как – орлом иль решкой –
Ляжет день, законам вопреки,
Обернутся все же нашей речкой
Волны Гераклитовой реки.

БЕЗ МЕНЯ

Плакал я, что не увидел фронта,
Но, судьбу иную мне суля,
Голубым подолом горизонта
Вытирала слезы мне земля.

И весенний луг шептал под боком,
И звезда звенела у виска:
„Не горюй, мальчишка, слава Богу,
Без тебя управились войска“.

Без меня солдаты шли под пули,
Зарывались в землю без меня,
Линию судьбы моей тянули
Без меня сквозь линию огня.

Их осталось, родина, немного,
Нелегко им, отстоявшим жизнь...
И рассвет мне шепчет у порога:
„Без тебя теперь не обойтись“.

СОРОКА В МАРТЕ

Звонко так, светло и чисто,
Словно из купели,
Щедро сыплется монисто
Мартовской капели.

Сев на елочку сырую
Возле наших окон,

Вдохновенно сортирует
Новости сорока:

Для кота и для собаки,
Для домашней птицы,
Для живущей в буераке
Молодой лисицы.

Эта новость для гнедого
Мерина, а эта,
Отливающая словом
Свежим, – для поэта.

Целый день трещит сорока,
Полная азарта...
До чего ж сладка морока
С новостями марта!

ДРУГУ

От иглокожих звезд остра,
Хлестнув росой тебя, как плетью,
Ночь примостилась у костра,
На краюшке тысячелетья.

И тишина из древних трав
Легко с луною вровень встала,
Своим безмолвием поправ
Гул близких городских кварталов.

И ты услышал чей-то зов,
И к горлу – время не помеха –
Давно умерших голосов
Комком подкатывает эхо.

Качнулись тени вдалеке,
И, несмотря на расстоянье,

Ты вдруг почувал на щеке
Небритой прашуров дыханье.

И шепчешь ты, к ним сердцем зван:
— Пускай во мне навеки ныне
Родства не помнящий Иван
Под шелест трав былинных сгинет.

СОБАКА

Из машины вытолкнув собаку,
Ты ударил лихо по „газам“...
Ты из новых, из крутых, однако
Из трусливых — видно по глазам.

А собака... Как она бежала
За тобою... Мокрые бока
Ходуном ходили, и от жара
Вывалившегося языка

Увядали травы на закате,
Словно жгучий зной их подкосил.
Никаких собачьих сил не хватит
Спорить с сотней лошадиных сил.

Ты умчался, переехав жалость,
И не слышал сквозь трусливый бег,
Как собачье сердце разрывалось
От любви к тебе.

МОНОЛОГ ЛОШАДИ В НОЧНОМ

Что есть прекрасней лошадей,
Освободившихся от сбруи,
Когда им, за столом полей
Пируя, ночь весь мир дарует?

Какое счастье, человек,
Забыв о серых буднях рабских,
Почуять в жилах жаркий бег
Шальных коней кровей арабских!

Как сладок миг, когда под дых
Копытом саданешь усталость,
Да так, чтоб россыпь золотых
Звезд долго с неба осыпалась,

Чтоб в дрожь бросал седой накал
Студеных рос тугую кожу,
Чтоб каждый жеребенок знал:
Ну что полцарства? Конь дороже!

ТЕБЕ

Луна восходит в небо
Сквозь жито напролом,
Рождая запах хлеба
Густой – хоть режь ножом.

И звезды то и дело
Летят вниз головой,
Пересекая смело
Скользящий в небо вой

Бездомного барбоса,
Припавшего к плетню...
А я по жгучим росам
Иду, как по огню.

И снова сердце любит,
И сладок сердцу плен,
И кровь вот-вот разрубит
Гордиев узел вен.

Я снова стал поэтом,
Став зорче и щедрей.
Знать, брезжит мне рассветом
Свет седины твоей.

МАЙСКАЯ НОЧЬ

Дав солнцу ослепительному роздых,
Ночь оттеснила за дубраву день,
И густо-густо высыпали звезды,
Ломясь в окно, как белая сирень.

И мерин, поводя ушами чутко,
Глядит, готовясь отойти ко сну,
Как, опьянев от страсти, не на шутку
Лягушки раскачали вмиг луну.

А я вдыхаю ночи запах пряный,
И мнится, чую собственным хребтом,
Как ртутной тяжести роса упрямо
Испытывает травы на излом.

МОНОЛОГ ЗАСОХШЕГО ДУБА

Я встречал непогоду, не прячась в кусты,
Я не кланялся в ноги ненастью,
Я впивался корнями в земные пласты,
Чтоб Земля не распалась на части.

Никого не боялся я, кроме людей.
Как меня мордовали их пилы,
Так, наверное, больно от римских гвоздей
В крест забитому дереву было.

Я засох. Мне до лампочки птичий концерт.
Я от вешних живительных таинств

Не воскресну. Я в каждом годичном кольце,
Как в петле, задохнувшись, болтаюсь.

Я засох. Но не сгинут вовек чудеса...
Мир весенней грозой наполнен,
И мне кажется, я это рвусь в небеса
Голубыми побегами молний.

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН

Рассветный луч легко рассеял смуту
Холодных туч, и звон колоколов
Поплыл над хатой маминой, как будто
Вселенская мелодия без слов.

И превратились в слух трава и камень,
И, слушая, напрягся горизонт,
И не убил родного брата Каин,
Забросив нож за колокольный звон.

А звон заполонил уже полмира,
И эхо, обогнув далекий лес,
Вдруг ароматом ладана и мирры
Дохнуло, отразившись от небес.

И, наполняясь небом просветленным,
Всю жизнь готов я слушать и смотреть,
Как оплывает животворным звоном
На вечном солнце тающая медь.

ПЧЕЛЫ ГУДЯТ

Из хаты прохладной и тихой едва
Я выгляну – вполнебосвода
Гудит у акации голова
От пчел, опьяневших от меда.

И вопли певицы, и драма идей,
Смертельным сходящихся клином
На нас, и трескучие клятвы вождей
Пасуют пред гулом пчелиным.

И слушает жадно солдат-инвалид,
Видавший и горы, и доли...
А может, древнейшую из молитв
Творят над землей эти пчелы?

И словно весенний рассвет заалел
На лицах угрюмо-небритых
От их золотистых, танцующих тел,
Как будто из меда отлитых.

И все же болит почему-то душа
За них, работяг... Но, пожалуй,
Неплохо придумал Господь, подмешав
В их мед неподкупное жало.

ПЕТУХ НА БАЛКОНЕ

В центре шумного города, в царстве бетона,
Где давно утвердился бензиновый дух,
С зарешеченного арматурой балкона
Пел, как будто взывал к нашим душам, петух.

А внизу „мерседесы“ неслись и „тойоты“,
И, сжигая луженую глотку, им вслед
Разрывался петух, чтоб хотя бы на йоту
Разнотравьем пропахший приблизить рассвет.

Ах, как пел он, почуяв, наверно, что в ошип
Он попал, и не будет дороги назад,
И от голоса вещего сказочной мощи
Содрогался до круга девятого ад.

Пел петух неподкупно, отчаянно, яро,
Обещая мне радости жизни иной,
Пел, безумствуя, чтоб никогда не стояло
Ничего, кроме солнца, меж небом и мной.

* * *

Когда и в сердце, и в окне
Заляжет вдруг тоска осенняя,
Приходит музыка ко мне,
Как самый светлый день рождения.

Еще бегу, как от химер,
От слов обидных, незаслуженных...
Но я уже во власти сфер
Небесных, музыкой разбуженных, —

Той музыкой, что в нас поет
То в кровь расплавленными струнами,
То нежно за душу берет,
Вдруг подступив морями лунными.

Приходит музыка ко мне,
Дыханьем ангелов увитая...
И вот я снова на коне,
Хотя под звонкие копыта я

Могу сорваться, но светла,
Сердца распахнутые чествуя,
Как чудо, музыка пришла
Сродни Господнему пришествию.

БОРИСУ ЧИЧИБАБИНУ

„Скачут лошади Бориса и Глеба...“

В утро, сошедшее с хмурого неба,
По вдохновению, не напоказ,
Впряг ты лошадок Бориса и Глеба,
И не угнался за ними Пегас.

Бредила слава твоею судьбою,
Слава почти у порога была,
Но, к сожаленью, встать вровень с тобою,
Даже на цыпочки встав, не смогла.

Но у подножия спелого хлеба
Ты, наконец-то убрав желваки,
Добрых лошадок Бориса и Глеба
Кормишь ветрами с ладони строки.

И осокорь замирает у хаты,
И умолкают вокруг соловьи,
Чтоб услышать, как с утра до заката
Скачут и скачут лошадки твои.

МУЗЫКА

*„Что будет с нами,
если и музыка покинет нас?“*

Н. В. Гоголь

Коль музыка покинет нас,
Увы, ни за какие деньги
Нам не купить сиянье глаз,
Вмиг скатится на четвереньки

Душа... Померкнут наши сны,
И землю потрясет до дрожи

Звериный вой, и у луны
Мурашки побегут по коже,

И никаких законов свод
Нам не поможет в жизни этой...
Как меч дамоклов, небосвод,
Дыханьем нашим не согретый,

Повиснет, коль, не дай Господь,
И впрямь нас музыка покинет.
А без нее не побороть
Безмолвствующую пустыню

Оглохших чувств... И без конца
Запекшимися вдруг устами
В семь жарких нот молю Творца,
Чтоб музыка осталась с нами.

НА ИСХОДЕ ЛЕТА

На исходе лето,
Тени на стерне...
И все меньше света
В маленьком окне.

Тише стало в роще,
Где росу я пил,
Где тропинки росчерк
Наш союз скрепил,

Где сквозь злак лечебный,
Счастье мне даря,
Как в кристалл волшебный,
В лунные моря

Ты глядела, краше
Женщины любой,

Чтоб в окошке нашем
Брезжил свет живой.

И в листве, как в бликах,
То ли шелест крыл,
То ли на языках
Мир заговорил.

ТОПОЛИНЫЙ ПУХ

...И опять забилося сердце глухо,
Может быть, предчувствуя порок,
Или оттого, что нежным пухом
Тополиным замело порог?

Замело тропинки и дорожки,
Но душа по-прежнему светла.
Тополиный пух — как свет в окошке,
За которым ты меня ждала.

Он летит, белей небесной манны,
Он звенит-поет во мне, как медь.
Только жаль, просторов океана
Никогда ему не одолеть.

И все гуще с высоты былинной
Небеса на кособокий тын
То ли пух роняют тополиный,
То ли поседевшие мечты.

Ф. ТЮТЧЕВУ

Отшумела вешняя гроза,
Отошли на задний план тревоги,
На висках туман, а на пороге —
Осень, остудившая глаза.

Но еще живет огонь в крови,
И душа бессмертная внимает
Грозам, что шумят в начале мая,
Мудрости, что ждет в конце любви.

НАД РЕЧКОЙ

За травы тонкие держась,
Гляжу светло и немо,
Как безмятежно спит карась
На дне седьмого неба.

Как облака, полдневный жар
Смирив и чую реку,
Спешат оттуда, где Макар
Не пас телят от века.

Гляжу и слышу, как в виски
Рванулась кровь упруго...
О, чудо неба и реки,
Впадающих друг в друга!

Но краше пенных облаков
И вод реки янтарной
Божественное чудо слов
Молитвы благодатной.

МОНОЛОГ ОСЕНИ

Отчаянная и фартовая,
Гуляю я в расцвете сил,
Швыряя золото кленовое
В огонь развесистых осин.

Не маюсь я душевной смутюю,
Хотя мне слышится порой:

„Не за горами стужа лютая...“
Но мой сентябрь – как пир горой.

Но под ракетами печальными,
Дарившими скупую тень
Речушке, карпами зеркальными
Играют блики целый день.

И пусть деньки мои погожие
Всевышним сочтены давно,
Не на тебя ль, поэт, похожа я
Тем, что с весною заодно?

НИ ДНЯ БЕЗ СТРОЧКИ

Кровь рванулась в виски, и пожар
Мир в окне на секунду-другую...
Может, с этой строкой выхожу
Я на финишную прямую.

То ли сердце ударило – жуть, –
Превратить меня сиясь в калеку,
То ли я принимаю на грудь
Горизонт уходящего века.

СОДЕРЖАНИЕ

Светильник ноге моей

„Ни верный друг..“	6
Крестный путь	6
Младенец	7
Слушая кукушку	8
„За окошком...“	9
Второе дыхание	9
Обращение к себе	10
В краю детства	11
Готов ли ты?	11
„Господи, трудна к тебе дорога...“	12
Обращение	12
Сон	13
Душа скорбит	14
Я пришел к Тебе	14
Отче наш	15
Обретение веры	16
Вера	16
Молитва поэта	17
Слышу	18
Творчество	18
Я вас не знаю	19
Ной	20
Ноев ковчег	21
Старуха	21
Вопросы	22
Господу моему	23
Засуха	24
На Голгофе	24
Серое утро	25
Закон всемирного тяготения	26

Сон	26
„И снова черных туч скопление...“	27
Сообщающиеся сосуды	28
В поле	28
Летним вечером	29
В степи	29
„Я сижу, замерев у колодца...“	30
„У Бога нету нелюбимых...“	31
Чукотка	31
Лунная зимняя ночь	32
„Когда тоска...“	33
Голос сердца	33
Пожар	34
В пустыне	35
Голос	35
Лазарь	36
Пять хлебов	38
Молитва в Гефсиманском саду	37
Младенец	38
Река Иордан	39
Голгофа	40
„В избитое тело...“	41
„Потом с иссушающим страхом...“	41
Апостолам	42
Идущий по воде	44
Молитвенный дом	43
Читая Библию	44
Библия	45
Весна	45
Корень жизни	46
„Отец Небесный...“	47
Божья воля	47
Апостолы	48
Душа	49
Солнце	49
Рождество	50

„А люди лезут вон из кожи...“	50
„Он с неба сошел...“	51
„Время бьет меня в дых...“	51
Первым христианам	52
Атеистам	53
Снова	53
Распятие	54
Утро	55
Слово	55
Божье Слово	56
„Высоко, там, где небо седьмое...“	57
Закон сохранения энергии	57
Пророк	58
„Мир оплатил Тебе...“	59
Магдалина	59
Иисус в храме	60

Ты улыбалась во сне

1946-й	62
Воспоминание о детстве	63
„Ты все чаще...“	63
Моему деду	64
„Встает на цыпочки трава...“	65
1945-й	65
Май 1945-го	66
„Я помню...“	66
1947-й	67
„Я совсем не помню...“	68
Ты улыбалась во сне	69
Маме – солдатской вдове	69
„Горю неожиданному...“	70
„Где ты, мама?...“	71
„Снова детство...“	72
Монолог пропавшего без вести	72
Снег	73
Отцу	73

Жене	74
Вдовьи сны	75
В ожидании рассвета	75

Еврейского народа боль

Раввин	78
Бабий Яр	78
На старом кладбище	79
Эсфирь	80
Иерусалим	81
Звезда	81
Анна Франк	82
Сон	83
Звезда Давида	84
К моему народу	84
Монолог старого еврея	85
Царь Соломон	86
Пророк Исаия	87
Моисей	87
Молитва	88
Мой сосед	89
Родина	90
Обетованная земля	90
„В спину мне вороны...“	91
Родина	92
Земля обетованная	92
Моим бывшим согражданам	93
„Уезжают друзья из страны...“	94
К книжникам	95
Другу	96
Пророк	96
К моему народу	97
Армагеддон	98
Язык	99

Спешу я к детству на поклон

Маца в 1946-м	102
„На запятках заката...“	102
Вдовам моего детства	103
Май	104
Осенней ночью	105
В краю детства	105
Возвращение с Севера	106
Детство	107
Бабье лето	108
Майский вечер	108
„Каждой травкой...“	109
Свет в мамином окошке	109
„Ты солнце будила...“	110
Зимний вечер	111
Рассвет в детстве	111
С ярмарки	112
„Спешу я к детству на поклон...“	112
Весна	113
Слепой дождик	113
Гроза в степи	114
Слушая кукушку	115
Воспоминание о детстве	115
Сестре Люде	116
Стриж в мае	117
Отец	117
Прощание с детством	118

Осенние листы

Осенняя ночь	120
Изгнание из рая	120
Сыну	121
Плотник Иосиф	122
Облака	123
Осень	123

Не сотвори себе кумира	124
После грозы	125
Стрижи на закате	125
Утро в селе	125
Майский вечер	126
„От воркованья голубиног...“	127
Май	127
Тебе	128
Воспоминание о первом снеге	129
Работа	129
Молитва в засуху	130
Хлеб	130
Летней ночью	131
Весна	132
Январской ночью	132
Осень	133
В брошенной деревне	134
К себе	134
Брошенная хата	135
У костра	136
Ночное купанье	136
Любимой	137
Майская ночь	138
Перед рассветом	138
„Я шагну в некошеные травы ...“	139
Без меня	140
Сорока в марте	140
Другу	141
Собака	142
Монолог лошади в ночном	142
Тебе	143
Майская ночь	144
Монолог засохшего дуба	144
Колокольный звон	145
Пчелы гудят	145
Петух на балконе	146

„Когда и в сердце...“	147
Борису Чичибабину	148
Музыка	148
На исходе лета	149
Тополиный пух	150
Ф. Тютчеву	150
Над речкой	151
Монолог осени	151
Ни дня без строчки	152

Совместно с Еврейским мессианским обществом издательство «Свет на Востоке» выпускает еврейский мессианский журнал

«Менора»

Журнал выходит 4 раза в год.

Темы журнала разнообразны: происхождение жизни, вера и религия, иудаизм и христианство, эволюция и творение. Журнал говорит не только о вечном: о жизни и смерти, о вере и любви, о добре и зле, но и о конкретном, имеющем преходящее значение.

Важное место в журнале занимают вопросы, касающиеся евреев, их жизни, истории избранного Богом народа, его назначения, государства Израиль, его столицы Иерусалима.

Журнал помещает статьи и стихи евреев и неевреев, свидетельства интересных людей о их пути к вере, к Богу; публикует письма читателей и ответы на них редколлегии.

«Менора» издается тиражом около 60 тыс. экз. на пожертвования читателей и рассылается всем желающим в 50 стран.

Подписаться на журнал «Менора» можно по следующим адресам:

Menorah
Postfach 1340
70809 Korntal
Germany

Россия 195267
г. Санкт-Петербург
а/я 101
Менора

Украина
255218 г. Киев-218
а/я 17
Менора

AEBM
P.O. Box 30562
Santa Barbara CA
USA